
Однажды в Лешково
Анастасия Носкова

Анастасия Носкова

Однажды в Лешково

«Автор»
2026

Носкова А.

Однажды в Лешково / А. Носкова — «Автор», 2026

В одном поселке со славным названием Лешково проживают колдуньи, богатыри, простые люди и… фея. И все они являются одной большой, дружной семьей. Но, как говорится, в семье не без урода. И задумала одна красивая, но ужасно завистливая колдунья гадость неслыханную. А расхлебывать всю эту заваруху придется, как всегда, тем, кто тут вообще ни при чем.

© Носкова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. 5
Глава вторая. 9
Глава третья. 14
Глава четвертая 18
Глава пятая. 20
Глава шестая 23
Глава седьмая 28
Глава восьмая. 34
Глава девятая 38
Глава десятая. 42
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Однажды в Лешково

Глава первая.

- Пиковая Дама, приди! Пиковая Дама, приди! Пиковая Дама, приди! – громко шептали девушки. Четыре пары глаз сосредоточенно всматривались сквозь дрожащий огонек свечи в зияющую черноту овального зеркала, которое еще недавно преспокойно висело на стене в зале, пока озорные девичьи руки в желании разнообразить вечер не унесли его в спальню. Теперь же оно стояло, опасливо подрагивая, облокотившись на ножку кровати, и нагнетало жути на подруг. Ну, или, во всяком случае, пыталось.

- Получилось? – в предвкушении прошептала наконец одна из подруг, поддавшись к зеркалу чуть вперед, из-за чего прядка коротких темно-каштановых волос, дождавшись удачного случая, своевольно упала на лицо. Но девушка, поглощенная азартом, этого даже не заметила. Все внимание ее серых глаз было приковано к зеркальной глади зеркала, принимая за движения внутри нее любой оптический обман.

- И что это мы тут делаем?!

Подруги подскочили от испуга, а одна даже взвизгнула, вцепившись в длинную светлую косу. По комнате разлился яркий свет от люстры, заставив девушек начать жмуриться из-за долгого пребывания во мраке. На пороге спальни грозно возвышалась фигура мамы одной из них. В неизменном халате в цветочек она нагоняла такой ужас, как если бы перед девчонками возник самый древний вурдалак.

- А мы…э…вызываем, - начала мямлить пересохшими губами обладательница длинной косы, нервно глотая воздух. Видимо, надеялась, что нужные слова сами влетят в рот.

- Не надо никого вызывать! – взвизгнула хозяйка дома, приложив ладонь к груди. – Не надо…, - дальнейшее высказывание прервал приглушенный стук. Девушки переглянулись. - Довызывались, - тяжело вздохнула женщина и, уперев руки в бока, решительным шагом направилась разбираться с нежданным гостем.

Подруги, взволнованно переглянувшись, крадучись, последовали за ней. Хозяйка дома, Ноябрина Ягинична, направилась к трельяжу, пристроившемуся, как и положено, в коридоре у входа. Из зеркальной глади в дом заглядывала жуткого вида женщина с черными, как ночь, волосами, глазами кровавого цвета, острыми, поломанными, изрядно пожелтевшими, местами даже отдававшими черным зубами, бледная и с широким шрамом на лице.

- Совсем в маразм впала!? Живет не одно столетие, а все как девочка! - цокнула, качая головой женщина, брезгливо разглядывая непрошенную гостью. – Можно подумать, тебя в первый раз вызывают, ей богу.

- Чую человека! Он мой…, - прошипел призрачный голос, но сильной уверенности в нем не чувствовалось.

- Иди отсюдова, тебе говорят! – не стала церемониться с духом хозяйка дома. – Нет тут никого для тебя.

- Я чувствую…, - простонала Пиковая Дама, широко разинув пасть.

- Чувствует она…, - проворчала Ноябрина Ягинична на другом конце реальности. – Иди. Тут и без тебя нечисти полный дом.

Поняв, что спорить бесполезно, Пиковая Дама, отчаянно заскулив, сжалась в зеркальном измерении и со стоном исчезла.

- Ну ты погляди…, - провожая ее взглядом, покачала головой хозяйка дома и, прищурившись, принялась оглядывать поверхность зеркала. – Испачкала, что ли? – потерев серое пятно, пробормотала женщина. – Ты глянь! С той стороны запачкала! – возмущённо ахнула она. – Ну, я тебе! Вызову! Всю квартиру мне драить будешь! И тут! И там! – Ноябрина Яги-

нична так сотрясалась от негодования, что причудливая конструкция из банного полотенца, виртуозно повязанная на голове, тут же развалилась, выпустив на волю светлые, уже давно высохшие после ванны волосы. – А ну, козы, быстро сюда! – скомандовала она, заметив девчонок на лестничном пролете.

Те послушно спустились вниз и встали в шеренгу перед хозяйкой дома. Та, окинув их выразительным взглядом, сложила руки на груди.

- Ну, что, доигрались…

- Нонка, хорош глотку драть! Шо у вас опять случилось? – распространяя вокруг себя шаркающие звуки, в коридоре показалась бабушка. И пусть возраст уже пел дифирамбы теплым шалям и тому особому оттенку красного, лучше паспорта раскрывающему истинный возраст женщины, старая колдунья пока не утратила своего шарма, последнего налета юности. Он проступал в легком румянце, бодром виде и особом, девичьем блеске в глазах. Быть может, именно поэтому для многих мужчин бабушка все еще считалась эффектной женщиной.

Пока не началась любимая передача старой колдуньи, она была совершенно свободна. Вглядывалась с этим самым блеском в глазах в лица проказниц.

- Да, вон, вызывали Пиковую Даму, - охотно поведала Ноябрина Ягинична.

- Кого? Эту прошмандовку? – возмутилась бабушка.

- Ладно вы! – женщина обвела глазами троих из девочек, - но Люся не наша ж, людская! Я потом что ее матери должна была сказать? «Вошла через дверь, вышла через зеркало»? Это вам не «Алиса в Зазеркалье»! Обратно разве что по частям нашу красавицу получим. И то, в обглоданном виде!

- Да все со мной было бы в порядке, - насупилась Люся. Ее совсем не устраивала роль слабого звена.

- Давайте по домам, - скомандовала Ноябрина Ягинична, заметно смягчившись. – Завтра, вон, в школу.

Подталкивая Люсю за плечи к выходу, светловолосая девочка ободряюще улыбнулась оставшимся девчонкам. Им идти было некуда, они уже находились дома.

А завтра их радушно ожидал десятый класс. Ожидания выше, трудиться больше, а давление сильнее. Ничего хорошего, в общем-то. А вместе с тем еще и подростковые проблемы на тему своего места в обществе, первых робких чувств, да и вообще разобраться бы в себе самой.

- Так, Танья, Леська, что застыли, марш форму готовить, - скомандовала Ноябрина Ягинична.

- Да у нас все готово, - вяло отозвалась Леся.

Не так давно девушка, которая в этом бедламе нечисти являлась русалкой, вернулась из родного водоема в дом Клавдии Ягиничны. В ее памяти еще свежи было прикосновение влаги на бледной коже, то, как водяной поток вместо ветра развивал ее волнистые, черные с зеленоватым отливом волосы, как легка была она сама. Ее лицо с острым подбородком и ярко выраженными скулами никогда не выглядело так безмятежно, как в подводном мире.

Стоит сказать, что и забот у них намного меньше, чем на земле. Никаких обязанностей, одно вольное плаванье.

В отличие от своей подруги, Танья не была так уверена и судорожно принялась вспоминать, что именно она положила в школьную сумку, готова ли ее школьная форма, которая из-за наличия у девушки эльфийский крыльев требовала прорезей на спине.

Как же так вышло, что в роду великой бабы Яги родилась фея?

В молодости мама Таньи, та еще колдунья, проявляла излишнее свободолюбие. Однажды ее неукротимая тяга к приключениям привела Ноябрину Ягиничну, а в то время просто Нонку, в далекую Францию, и не куда-нибудь в пригород, а прямиком в Париж, где на Елисейских полях ей в самый разгар молодежного угара не подвернулся отец Таньи, видимо, эльф… Что

сказать, у Ноны была бурная молодость и своеобразные взгляды на отношения. Но кто ее будет судить в лихие 90-ые?

В общем, по приезду в отчий дом к своей матери, одной из сильнейших колдуний, Клавдии Ягиничне, Нона обнаружила, что беременна. Бабушка страшно обрадовалась. По негласному правилу колдуний, они крайне редко, да практически никогда, не вступают в брак, слишком свободолюбивы и независимы, чтобы связать свою жизнь столь серьезными обязательствами. Это ведь только по первости, когда еще не утрачена новизна первых чувств, отношения имеют для колдуний значение. После они уходят на второй план, уступая место обрядам, колдовству, в общем, тому, что для простого человека не несет в себе ценности. Вот и расходятся они. Тяжело любить ведьму.

Тогда зачем вообще встречаться с простым человеком? Почему не выбрать, например, колдуна? Богатыря? Упыря, на худой конец! Да потому что в таком случае колдунья может родить «не то сына, не то дочь». Али вообще «неведому зверушку». Как, собственно, в случае с Ноной.

Роды случились на 1 мая, в один из сильнейших магических праздников. Наравне с рождением новой жизни, старая чуть было не отлетела на тот свет. При виде маленьких тонких крылышек на спине внучки, Клавдия Ягинична крякнула и поучила первый в своей жизни инсульт, а Нона от неожиданности в один миг сделалась Ноябриной.

- Вот смотрим мы на тебя, такую маленькую, худенькую, с этим пушочком светлым на голове, глазками карими, такими большими! И с этими крылышками, - слезливо порой вспоминает женщина, - и думаем, как соседям-то тебя показать?

- Да, допрыгалась мать твоя, - скрипит уважаемая Клавдия Ягинична.

Вместе с полным именем Ноябрина приобрела такую решимость и стойкость, что никто из соседей не посмел не то что слово сказать, даже взглядом не так пройтись по новорожденной.

Стали имя выбирать. Верея? Василиса? Да идите вы к лешему! Долго смотрели, вздыхали, пока бабушка не выдала:

- Может, Цветочек?

- Лопушочек! – плюнула мама.

- А ты шо, не видела, с кем ложилась? – притворно ахая, всплеснула руками Клавдия Ягинична. – Или так дурман-напитка нахлесталась, что…

- Мама! – взмолилась Ноябрина, с упреком глянув, в свою очередь, на свою мать.

- Вот отец твой, уважаемый революционер был! Героически погиб во время Гражданской войны! А ты в кого пошла, така непутевая? – плюнула Клавдия Ягинична.

- Как была непутевой, такой теперь нет! – отрезала Ягинична-младшая. – Думать не мешай!

- Да лучше б ты тогда подумала, - в полголоса вставила бабушка, не удержалась.

Ноябрина пропустила очередной выпад мимо ушей и, хлопнув в ладоши, победно объявила:

- Лепестинья!

- Точно! О! Это ты хорошо придумала! – одобрительно закивала Клавдия Ягинична, поглаживая себя по груди, точно успокаивая. – Пошли, выпьем!

Танья, к облегчению Ноябрины Ягиничны, в противном случае комментарии со стороны древней колдуньи не смолкали бы до сих пор, ужасно походила на свою мать. Такие же прямые, светлые волосы, глубоко посажанные карие глаза, единственное, что досталось ей от отца, ярко выраженный подбородок придавал лицу феи некоторую изюминку.

Домашние смотрели на нее и радовались. Одно только огорчало их, что не могли они подсказать Танье, как раскрыть свой дар, не знали, как наставлять ее.

А через шесть лет в семье Ягиничных все-таки появилась Верея, маленькая колдунья. Но успокоения это совсем не принесло. Только участило приступы головной боли у пожилой колдуньи. Вот такой парадокс.

По мере своего взросления Лепестинья, ставшая просто Таньей, повидала от сверстников всякого, как правило, это были в большинстве своем дети простых людей. Живя в сказочном поселке, они привыкли к колдуньям, богатырям, даже побаивались их, а вот русалка, фея, это что-то новое, а, значит, слабое. Особенно фея.

Глава вторая.

- Вот и лето прошло. Словно и не бывало, - напевала Танья себе под нос.

Первый школьный день не особо радовал учеников погодой, наоборот, создавая максимально рабочее настроение. Ни тебе яркого солнышка, ни приятного ветерка, только серость, только хмурое небо и сильные, внезапные порывы ветра, будто бы специально призванного лохматить волосы девчонкам.

- Десятый класс, еще два года, - ныла Люся, от досады срываясь на опавших листьях. – Еще и первым геометрия! Ненавижу! На кой черт мне все эти гипотенузы и синусы?

- Ты бы поосторожнее, - хмыкнула Леся, - а то нарвешься еще на проклятие, - подразнила она подругу, ведь все в школе знали, как ревностно относилась к своему предмету учительница геометрии и алгебры.

Люся, при всем своем негодовании, вмиг смолкла и опасливо посмотрела по сторонам.

Вжав голову в плечи, она продолжила высказывать свои недовольства, но только взглядом, найдя свою аудиторию среди все тех же пожухлых листьев. Танья, поджав губы, тихо по-доброму посмеивались над своей излишне эмоциональной одноклассницей.

Неожиданно поднявшийся порыв ветра обдал подруг ледяным потоком. Люся плотнее закуталась в кожаную куртку, Леся сильнее натянула капюшон толстовки, едва ли не по самые глаза, не позволяя своевольному вихрю играть с ее черными, с едва заметным зеленоватым отливом, волосами, и только Танья блаженно подставила лицо освежающим касаниям ветра. Он, в свою очередь, задорно взъерошил девушке волосы, отчего, легко рассмеявшись, она тут же принялась приводить в порядок прямую челку.

- Я думаю, все не так плохо, - пожала фея плечами. – Все-таки, мы потом будем скучать по школе.

- Ты – неисправимый романтик! – покачала головой Леся.

- Кстати, о романтике! – мигом переменилась Люся, озорно поглядывая на фею.

- Что? – упавшим голосом произнесла она. Кончики ее крыльев невольно задрожали от волнения.

Но подруга вдруг резко развернулась и громко закричала, размахивая руками:

- Боря!

У Таньи все внутри ухнуло куда-то вниз, вся кровь отлила от лица, а крылья предательски затрепетали.

- Люська! – громко шикнула Леся, но по ее едва уловимой улыбке можно было догадаться, что не так уж она и сердится на подругу, как хочет показать.

К школьницам, широко улыбаясь, направлялся рослый, широкоплечий, как и положено богатырю, юноша. Как водится у братьев и сестер, Борис походил на Люсю, а Люся походила на Бориса. И только их внутренние различия, проступающие во внешности, придавали им особую индивидуальность.

Грубость и импульсивность Люси проявлялись в резких чертах лица девушки, в особо вытянутом вперед носе. Маленькая, угловатая, нескладная фигура школьницы свидетельствовала о ее стремительном ритме жизни: быстро чувствовать, быстро принять решение, и, как правило, не подумать о последствиях.

Борис же отличался спокойствием, благоразумием и трезвым взглядом на жизнь, так что и черты лица его были плавными, мягкими. В глазах ни капли колкости, только чуткость и готовность выслушать.

Сердце Таньи таяло при виде этих глаз. А широкая улыбка юноши - такая простая, бесхитростная. Девушке казалось, что она могла бы отдать все на свете, лишь бы хоть раз она была адресована ей.

- Здравствуйте, девушки, - поприветствовал их богатырь. – Готовы постигать премудрости науки?

- Одиннадцатый класс. Нет еще чувства ностальгии? – широко улыбаясь, спросила Танья, с сияющими глазами глядя на Бориса.

- Не-е, пока еще меня так сильно по голове на физ-ре не ударило, - усмехнулся юноша.

И на этом все, весь диалог. Танья, судорожно придумывала хоть какую-нибудь тему для дальнейшего общения, но все, что приходило ей на ум, казалось жалким и пустым. Самое смешное, что, оставаясь наедине, девушка в голове прокручивала сотни сценариев их общения с Борей, но, стоило ей оказаться с ним лицом к лицу, как все они стирались из памяти. И в очередной раз почувствовав себя круглой дурой рядом с тем, кто ей так нравится, фея покраснела от стыда и смущения. Люся с раскаяньем смотрела на подругу, отчаянно сожалея о своей затее. Как обычно, сделала, не подумав. А теперь и сама не знает, как исправить ситуацию.

- Ты сам, готов к школе? – жалко выдавила она.

Борис как-то странно посмотрел на сестру, ведь они только с утра уже говорили об этом.

Положение не могло стать еще хуже. Леся, молча наблюдавшая за этой драмой, сочувствующе посмотрела на подругу и, вдруг заметив что-то, ухватилась как за спасательную соломинку.

- Смотрите, Забава нашла себе новую жертву на эту четверть, - и глаза ее недобро сверкнули.

И как по команде все взгляды устремились к подруге. Хоть на небе не было и намека на солнце, но его лучи будто навеки запутались в причудливо заплетенной косе колдуньи, отчего волосы девушки блестели нежным, золотистым светом. На тонких губах Забавы играла улыбка, когда она флиртовала с каким-то симпатичным пареньком, при этом светлые глаза ее оставались холодны.

- Или лучше сказать, на эту неделю, - хихикнула Люся, оживленно подхватив новую тему, лишь бы не впадать в эту трясину тишины, из которой никто не понимал, как выплыть.

- Несчастный, - покачала головой русалка, притворно горестно вздыхая.

- Почему? – подал голос Борис, до этого пристально разглядывавший парочку.

- Да потому что наша Забавка меньше, чем на принца не согласная, - посмеялись подруги недружным хором.

Танья единственная молчала, отчаянно кусая уже горящие от боли губы. Она поглядывала на Бориса, и потому-то от взора ее пронзительных карих глаз не ускользнуло, как заиграли его желваки, пусть и на мгновение. Это озадачило девушку, пробуждало неизвестно откуда взявшуюся ревность легонько кольнувшую в сердце. И тут же запоздалое чувство стыда услужливо накрыло фею с головой. Как она могла испытывать такие темные чувства по отношению к своей подруге?

Попрощавшись с девушками, Боря поспешил отделиться от них до того, как, привлеченная звонким смехом подруг, Забава, легко ступая, словно порхая над землей, приблизилась к ним, озаряя их серые будни своим внутренним светом.

- Чего это твой брат такой смурной? – весело улыбаясь, спросила она.

- Да? – удивилась Люся. – Да, вроде, нормальный был, - смешалась она, забавно округлив глаза.

- Первый учебный день, - пришла только к одному разумному ответу Леся.

Отмахнувшись от этого, как от незначительной букашки, Забава оживленно затараторила:

- А как вчера здорово было с Пиковой Дамой?! Жуть прям, да? Может, еще кого вызовем? А вам вчера сильно досталось, да?

- Нам-то не особо, а вот Пиковой Даме, - пнув случайный камешек, произнесла Люся нехотя.

- А! Да! – хихикнула Танья. – Бабушка с мамой снова вызвали ее и заставили проводить генеральную уборку! – сцепив от восторга руки, поведала фея. – Нам, конечно, тоже досталось, - скривившись, признала она и оглянулась на русалочку, но, не встретив никакой поддержки с ее стороны, продолжила историю, - мама заставила выучить по первой главе из каждого учебника. Как оказалось, у нас же полно свободного времени, чтобы всякой ерундой страдать, - передразнила голос женщины Танья.

- Жесть, - коротко прокомментировала всю эту историю Забава и тут же с легкостью сменила тему, - Итак, мы теперь старшеклассницы, - и колдунья многозначительно оглядела подруг.

- Вообще не понимаю, к чему ты клонишь! – мотнула головой Люся, заранее встретив разговор без особого энтузиазма.

- А я, кажется, знаю, - тяжело вздохнула Леся и без предупреждения ускорила шаг, не желая принимать в этом никакого участия.

- Танья! – взмолилась Забава. – Хоть ты поддержи меня! Нам уже по шестнадцать! Почему бы не подумать о мальчиках?

- Почти по шестнадцать! – напомнила Люся, воздев палец к небу. – И уж кто-кто, а ты всегда только и думаешь, что о мальчиках! – фыркнула девушка.

- Да! Я такая! – ничуть не смутилась колдунья, гордо вскинув подбородок. – Что плохого в том, чтобы искать и пробовать?

Танья смущенно помалкивала. Соблазн открыться подруге был ужасно велик, но страх позже пожалеть об этом все-таки перевешивал. И фея, удрученно вздыхая, помалкивала.

- Фу! Настроение испорчено! – послышалось откуда-то со стороны.

Подруги обернулись и недовольные встретились взглядами со своей одноклассницей. Дивной красоты рыжеволосую колдунью точно усыпал драгоценными камнями самый щедрый купец: глаза столь удивительного изумрудного оттенка, что позавидовала бы даже Хозяйка Медной горы, полные губы точно рубины. Носик прямой, слегка вздернутый вверх. Все в девушке было ладно. На коже ни родинки, ни прыщика, даже веснушки не высыпали на ее кукольном лице, не смея портить его невиданной белизны. Щечки красавицы сияли нежным румянцем. Выбившиеся непокорные кудрявые прядки изысканно подрагивали на ветру. Длинные пальцы с аккуратными ноготками время от времени картинно пытались их пригладить. И во всяком жесте школьницы ощущалась грация, а в мимике – аристократичная сдержанность.

- Что, Любава, в зеркале себя увидела? – не растерявшись, парировала Забава, моментально включившись в словесный поединок.

- Увы, если бы я могла видеть только себя! А то приходится на разных уродов смотреть. Даже в цирк ходить не надо, - имея в виду Танью, высокомерно заявила гордячка. К фее красавица питала особую неприязнь, наравне с людскими детьми травя ее в детстве и продолжая это сейчас. К счастью, практически все те ребята оказались в одном параллельном классе и выпустились после девятого. Так что Танье приходилось терпеть в основном только Любаву. Но ее желчи было так много, что с лихвой компенсировало отсутствие поддержки извне.

Рядом с Любавой крутилась ее верная подруга Лиза, уж неизвестно чем привязанная к колдунье. Особой теплоты между ними не наблюдалось, но на всех переменках они о чем-то увлеченно шептались, бросая косые взгляды на одноклассников.

Во время таких вот перепалок Лиза сохраняла молчание. То ли сказать ей было нечего, то ли слова были, да выразить она их не могла. Так и стояла девушка, только кивала, поддерживая подругу, да глазками бегала, все высматривая кого-то.

- В любом случае, - скривилась Любава, - почему бы тебе, - она даже не назвала фею по имени, - не отрезать свои крылья, - притворившись, что сдерживает рвотный позыв, произнесла колдунья. – Все равно ведь не летаешь! – противно хихикнула она.

Уязвленная в самое сердце, Танья затравленно скрылась за спинами подруг.

- А тебе не пора ли в зеркальце своё смотреть? Вдруг, кто красивее тебя появился? – притворно взволнованно ахнула Леся, неожиданно возникнув прямо возле красавицы.

Любава вздрогнула от испуга и, вперив злой взгляд в русалочку, процедила сквозь зубы:

- Еще одно недоразумение! Ходячая рыба!

А у самой рука невольно дернулась, потянувшись было в нагрудный кармашек пиджака. Все знали, что в нем хранится красивое резное зеркальце, с которым Любава не расстается даже на физкультуре, что породило множество домыслов и анекдотов.

Подруги тут же захихикали, заметив порыв красавицы. На щеках Любавы тут же проступил стыдливый румянец, такой ненавистный для нее. При этом на лице ее дорогой подруги, Лизы, появилось выражение удовлетворения, как будто она радовалась унижению Любавы.

- Все это, конечно, хорошо, - чесанув нос, начала Забава, - да только шла бы ты подобру-поздорову.

Раздался звонкий, злорадный смех колдуньи.

- А что ты сделаешь? Ты даже порчу навести не сможешь, в себя не попав! – откровенно насмехалась Любава.

Забава коротко вскинула брови и начала закатывать рукава.

- А я тебе так, по-простому. Лохмы твои повырываю и нос подправлю!

Не то, чтобы замечание колдуньи как-то повлияло на Любаву. Но портить себе день и дальше этой бессмысленной болтологией девушка не собиралась.

С видом победительницы она задрала нос и поцокала на своих шпильках к школе. Лиза последовала за подругой тенью.

- И что ей неймется? – сложила руки на груди Леся. – Все есть. Живи и радуйся, - сжав губы, она покачала головой. – Все это ваше, человеческое, низменное.

- Ой, началось возвышенное русалочье! – съязвила Забава. – А эта коза когда-нибудь свое получит! – процедила она, ободряюще поглаживая сникшую Танью по плечу.

Та, поджав губы, улыбнулась в знак признательности.

- Что, уже успели поцапаться? – лучезарно улыбаясь, спросил запыхавшийся рыжеволосый юноша, подлетев к девчонкам. Веснушки на его лице каждый год выписывали новый рисунок.

- Ой, Ярик, это наши девчачьи дела, - не глядя на парня, пропела Забава, небрежно отмахиваясь от школьника рукой.

Юноша ничуть не обиделся, продолжая демонстрировать общественности свою широкую улыбку. Подоспевший к ним высокий, статный молодой человек по-свойски лупанул Ярослава по хребту.

- Друга на девчонок променял! – укорил друга юноша, а сам глаз от Забавы оторвать не в силах.

- Милей, иди, строй глазки восьмиклассницам, - быстро дала ему отворот-поворот колдунья.

- Ты ранила меня в самое сердце, - театрально сокрушался школьник.

- Переживешь! – тоном, полным безразличия, отвечала Забава.

Сделав вид, что его ничуть не задел тот факт, что хоть кто-то смог устоять перед его обаянием, Милей живо сменил тему:

- Что у вас тут интересного стряслось? Ярослав так припустился. Я думал, как минимум драка.

- И поэтому ты побежал следом? – подловила его Люся.

На что богатырь только пожал плечами.

- Да у Любавы опять крышу сорвало, - начала колдунья.

- Мы своим существованием наносим величайшее оскорбление ее неземной красоте! – высокопарно прояснила ситуацию Леся.

- Ей пора бы проверить батарейки в своем зеркале, барахлит, - заявил Ярослав, и на его лице разлилось довольное выражение от того, как удачно он пошутил.

- Ого! Вот это заявление! – заинтересовалась колдунья.

- И кто, по-твоему, всех прекрасней и милее? – постепенно оживая, поинтересовалась Танья.

- Леська, - небрежно пожав плечами, ответил юноша и обратил все свое внимание на русалочку.

Заметив, как та неловко сжалась, школьник погладил ее по голове, попутно растрепав заплетенные в несколько косичек до линии ободка прямые темные волосы. Русалочка же упрямо старалась не смотреть в сторону Ярослава, словно боялась обжечься то ли телом, то ли душой.

- Так, все, Ромео, с твоей Джульетты хватит! – присвистнул Милей, утаскивая друга от девчонок.

Забава присвистнула, провожая парней взглядом.

- Лесь, а что у тебя с Яриком? – задор в ее голосе покоробил русалочку, пробудив темные эмоции.

Забава казалась такой простой и легкой, всегда соскакивала с тяготивших ее тем. Может, будучи по природе своей веселой девушкой, Забава просто не знала и не умела вникать в сложные переплетенья чувств других? В любом случае, подруги привыкли к ее некоторой легкомысленности и недалекости и любили юную колдунью такой, какой она была, не ожидая большего, чем та могла дать.

В противовес ей Леся была вдумчивой девочкой, чутко подмечая изменения в душе человека, как если бы предвидела перемену направления русла реки. Предпочитала лишнего не болтать, чувства не оголять. Потому-то вопрос подруги вызвал едва заметную рябь на лице русалки.

- Ничего у меня с ним, - спокойно отозвалась она.

- А ты ему явно нравишься, - не унималась Забава. – Не понимаю, к чему вся эта скрытность? Никто ж тебя за него под венец не тащит.

- А у тебя все так легко и просто, - спокойно заметила Леся.

- А зачем усложнять? Жизнь и без того полна трудностей, - пожала плечами школьница, но по поджатым губам было видно, что слова подруги задели ее, затронув скрытую внутри струну души.

Русалка промолчала. Очевидно, что, пусть девушки и значились подругами, на деле им было очень трудно в общении друг с другом. Будь все иначе, Леся обязательно бы заметила, к каким переменам в настроении колдуньи привели так легко сорвавшиеся с ее губ слова.

Люся с Таньей никогда не вмешивались в перепалку подруг, просто молча наблюдали и с облегчением выдыхали, когда ситуация не доходила до очередной ссоры.

- Забав, а ты когда-нибудь любила? – вдруг с интересом задала вопрос Танья.

Подруга казалась ей такой взрослой и опытной в вопросе отношений, но фея сильно сомневалась, что хоть раз сердце колдуньи замирало от переполнявших его чувств. Тогда какой смысл был во всем этом? Во всех этих отношениях?

Забава задумчиво пожевала губами, после чего ответила:

- Н-нет, пожалуй, - голос ее дрогнул.

И опять была задета та самая струна.

- Да ну вас, с этой любовью! – вспыхнула Люся. – Надоели! Неужели других тем нет?!

- Когда-нибудь ты нас поймешь! – улыбнулась Забава, возвращаясь к своему привычному состоянию.

Над компанией пронесся беззвучный вздох облегчения. И вновь грозно надвигающаяся сора счастливо обошла их стороной.

Глава третья.

- Здравствуйте! – хором поздоровались девушки, проходя в класс.

Безупречно белые шторы, праздничное приветствие на доске – как же обманчива эта безмятежность класса алгебры и геометрии. Совсем скоро доска, обнажив свое нутро со всеми потаенными уравнениями и чертежами, превратится в настоящую Голгофу.

И даже последнее спасение во время уроков: прежняя привычная рассадка - оказалось изменчивым явлением. Новый год – новые соседи. Не дав ученикам опомниться, их классный руководитель, Мстислава Костромская, принялась резво определять новые места для ребят. И ни один возмущенный писк, ни один щенячий взгляд не могли поколебать ее уверенность, что на этот раз она нашла-таки идеальное сочетание учеников.

Забаву посадили вместе с Ильей, скромным, хорошим мальчиком. Тот озадаченно почесал затылок, еще больше взъерошив и без того всклокоченные волосы, которые, как ни расчесывай, все одно ложились так, как им заблагорассудится. На его бледных щеках выступил легкий румянец.

Переглянувшись, Леся, Люся и Танья дружно признали:

- Бедный.

- Она его сожрет, - от себя еще добавила Люся.

Забава же, казалось, не испытывала никаких проблем, чтобы оказаться за одной партой вместе с Ильей. Молча сев на свое место, она маняще поманила пальчиком паренька. У бедолаги при виде подобного жеста пунцовыми стали даже кончики ушей.

После уроков, Танья и Волк, как и положено жильцам первой парты первого ряда, приняли на себя обязанности по уборке класса. Молча. Что не совсем устраивало фею, не любившую чувствовать себя напряженно или скованно. Кроме того, раз ей надлежало провести с юным колдуном локоть об локоть целый учебный год, было бы неплохо как-то растопить возникший между ними айсберг.

Когда юноша направился с пустым ведром в коридор, Танья окликнула его. И тут же пожалела об этом, ведь девушка понятия не имела, о чем говорить с одноклассником. Но было поздно: его имя уже слетело с ее губ.

Тот окинул девушку скучающим взглядом серо-голубых глаз. Особенно выделявшихся на контрасте с черными, как вороново перо, жесткими волосами. Косая челка небрежно спадала на лоб парня.

- Я, в общем, - пустота съела все мысли. Танья пыталась как-то сформулировать, выбрать лучшую тему, но время неумолимо бежало вперед, а Волк с пренебрежением во взгляде готов был возвратиться к своему изначальному плану действий. И тогда девушка решила позволить словам просто течь потоком, будь, как будет. – Какого это, быть учеником колдуна?

Впервые Танья видела на лице одноклассника что-то помимо безразличия. Прошедшая по нему рябь, говорила о том, что девушка ступает на опасную дорожку. Не вымолвив ни слова, Волк развернулся к школьнице, показывая, что та может продолжить.

- Извини. Я имею в виду, что, наверное, это очень интересно…

- Интересно, - кивком, подтвердил юноша, а сам оскалился. – Потрошить, - шаг по направлению к фее, - извлекать внутренности животных, - снова шаг, - гадать по ним, - Волк остановился, склонив голову. Во взгляде сквозила издевка. – И все меня сторонятся. Боятся. Ты, в том числе, - насмехался над девушкой юный колдун.

Танья могла бы соврать, но на ее побледневшем лице помимо воли феи отразился такой ужас, что любые отговорки выглядели бы жалко и неубедительно.

- Тебе же это не нравится? – по-детски наивно задала она вопрос. И тут же выдала гениальную идею, – хочешь, приходи к нам в гости…

Тут уж злобный, тяжелый смех разорвал и без того хрупкую атмосферу класса. Казалось, даже воздух стал плотнее. Светлый день тут же обернулся непроглядной ночью, когда Волк внезапным порывом приблизился к Танье, вынудив ту в поиске опоры опереться о парту. Ледяной страх пробрал девушку до костей. Почерневшие глаза колдуна вцепились прямо в ее душу.

- А если я решу украсть тебя или одну из итвоих подруг себе в невесты? – просил Волк страшным загробным голосом, звучащим из самых недр его темной души.

Не найдя в себе сил для ответа, фея могла только отчаянно глотать воздух.

Вмиг тьма отступила, воздух потоком заполнил легкие девушки. Юноша вновь стоял у двери.

- Не бросайся так просто подобными предложениями, - только и бросил он.

Перепуганная до смерти, Танья даже больше глаз на одноклассника не поднимала. Она чувствовала себя ужасно, такой жалкой, слабой и беспомощной. В последний раз девушка испытывала подобное, когда злобные дети пытались столкнуть ее в колодец, чтобы посмотреть, умеет ли фея летать. Тогда ее спасла бабушка, так сильно сглазив тех нахалов, что последствия сглаза, как поговаривают, сходят до сих пор.

Как только класс был убран, Танья схватила сумку и со всех ног бросилась вон из класса. Девушка неслась так быстро, что не успела вовремя среагировать, и со всей силы врезалась в Борю.

- Танья? – удивленно воскликнул богатырь, подхватывая девушку. – Что это с тобой? – обеспокоенно нахмурился он, заметив, как дрожит ее нижняя губа.

- Все в порядке, - пискнула фея.

- Это он? – кивнув в сторону запиравшего класс Волка, серьезным голосом спросил Боря и уже двинулся было в сторону колдуна, как Танья мертвой хваткой вцепилась ему в руку и молча покачала головой.

- Он ничего мне не сделал, так, попугал для смеха, - натянуто улыбнулась девушка. Как бы то ни было, Волку и без того жилось несладко.

- Танья, не связывайся с ним, - строго произнес старшеклассник. – Не даром колдунов сторонятся.

Фея, поникнув от недавних воспоминаний, вынуждено кивнула.

- Ты чего так поздно в школе? – перевела она разговор на более безопасную почву.

- Думаешь, только в ваших классах существует крепостное право? – хохотнул парень.

- Понятно, - улыбнулась Танья.

Боря на секунду замялся, почесав затылок.

- Проводить тебя? – поджав губы, спросил юноша.

Глаза феи загорелись. Резво закачав головой, она неловко повела парня к выходу.

Несмотря на столь удачное стечение обстоятельств, Танья не могла не отметить, что сковывающая неловкость с каждым шагом только усиливается. Девушка пыталась было найти точки соприкосновения, но вряд ли Боря любил романтические комедии. Под конец фея успела тысячу раз пожалеть, что приняла вежливое предложение богатыря. Было бы намного лучше провести путь до дома наедине с внутренним голосом. Во всяком случае, собеседник из него вышел бы намного лучше.

- В общем, спасибо, что проводил, - неловко покачиваясь на пятках, поблагодарила Танья.

- Да не за что, - улыбнулся Боря и, махнув рукой выглядывающей из окна Клавдии Ягиничне, направился домой.

- Это шо, Борька тебя провожал? Неужто встречаетесь? – забавно шаркая, спросила Клавдия Ягинична.

Имея славу могущественной ведьмы, бабушка никак не стремилась соответствовать образу. Возможно, в былые времена все было иначе, но сейчас Клавдия Ягинична ничем не отличалась от любой рядовой бабушки: халат с нелепым рисунком плотно облегал увесистую грудь женщины, длинные волосы были собраны в невообразимую высокую прическу, в которой сквозь седые пряди проглядывались цветные бигуди, на ногах валенки, ведь по утверждению бабушки, у нее всегда мерзнут ноги, на носу очки в массивной оправе. И завершал весь этот ансамбль цветастый павловский платок, накинутый на плечи.

- Нет, - поспешно опровергла эту мысль Танья и с горечью добавила, - какой там…

- А шо это, я не поняла? Да не родилось еще такого богатыря, которого мы бы околдовать не смогли! - с жаром затараторила бабушка.

Фея на это только неловко улыбнулась, совсем не считая, что обладает тем знаменитым обаянием, присущим роду Ягиничных.

Делясь с бабушкой всеми подробностями своей жизни, Танья и в этот раз не изменила себе, желая поведать о своем приключении с Волком.

- Бабушка, а ты сталкивалась когда-нибудь с колдуном? – бросила она вводную.

- А по што тебе? – поправляя очки, поинтересовалась колдунья.

- Просто у нас в классе…, - начала Танья.

- Обожди, пошли на кухню, - махнув за собой, закосолапила Клавдия Ягинична. – И руки не забудь помыть, - обернувшись, вспомнила старушка.

Миновав гостиную, в которой обычно все собирались на праздник, Танья оказалась в просторной светлой кухне, обосновавшейся в углу дома, и села за большой круглый стол. История его появления в кухонном интерьере представлялась довольно забавной. Раньше на его месте располагался традиционно обычный прямоугольный стол, но Ноябрина Ягинична по какой-то причине постоянно ударялась об его углы, в итоге дошло до того, что во время готовки женщина в очередной раз задела угол несчастного стола и уронила все содержимое с противня на пол. Это стало последней каплей. Никто не знает, что случилось с тем столом, но уж больно довольно улыбалась колдунья, глядя, как горят дрова в камине. С тех пор кухню объявили безугловой зоной.

- Ешь давай, худая, как палка, скоро один дух останется, - расставляя еду, при этом громко гремя тарелками, ворчала Клавдия Ягинична.

- Ба-а, - недовольно простонала Танья, нахмурившись. Девушка даже не взглянула на предложенные яства. – Ты не хочешь рассказывать? – с легким разочарованием в голосе спросила девушка.

- А об чем ты спрашивала? – смешно сощурившись, поинтересовалась бабушка. – Я уже усе забыла.

- Ба-а, о колдуне, - нетерпеливо напомнила фея.

- А, да, конечно, бегал за мной, - садясь за стол напротив внучки, произнесла колдунья.

- Бегал? – прыснула от неожиданности Танья, с трудом представляя, как ее древняя бабушка разбивает мужские сердца.

- Да, представь себе! – уверенно кивнула та, положив локоть на стол. – Я, шо, думаешь, всегда такая была? Да твоя бабушка, если хошь знать, моделью работала!

- Да-да, помню, - заулыбалась фея.

- Ну, как, это тогда манекенщицей называлось, - предалась ностальгии Клавдия Ягинична. - Помню, вещи после показа можно было с собой забрать.

- Бабушка, мы с тобой о другом говорили! – мягким голосом напомнила Танья.

- А, да, колдун. В веку каком? – нахмурилась, Клавдия Ягинична, - в пятом, что ли, это было.

Танья что было сил закусила губу.

- Кажись, в пятом, - усаживаясь поудобнее, продолжила древняя колдунья, - похитил он меня тогда, все невестой уговаривал стать. – И тут голос ее сделался сердитым, наполнился таким возмущением, что пожилая женщина сама не заметила, как начала тараторить, ведя диалог сама с собой, - это ж надо, невестой! Ишь, какой! Хоть бы букет ромашек подарил, жлоб! Права я? Права! Невестой, - фыркнула она. – А шо ж не женой? – моргнув несколько раз, Клавдия Ягинична вернула себе самообладание и уже спокойнее, но все равно с потаенным негодованием, продолжила, - Вот он меня за мою строптивость в камень и превратил. Да-а… В те времена это любовью называлось…

- А дальше? – не вытерпев, поторопила бабушку фея.

- Как полагается, - развела руками Клавдия Ягинична. – Появился богатырь, да и порубил колдуна. Ох, а какой красавец был! – впервые за все повествование глаза бабушки заблестели, а на щеках проступил девичий румянец. – Жаль, помер быстро.

- Как? – ахнула девушка от такой неожиданной концовки.

- Да богатыри в те времена вообще дохли как мухи. Подвиги ж им подавай. То за жар-птицей их несет, то Кощея сразить. Мой вот отправился, не знаю куда, за тем, не знаю, чем. Да и сгинул. Я уж потом, травы собирая, набрела на его кости.

- Да уж…, - откинувшись на спинку стула, выдохнула фея.

- А ты шо про колдуна вдруг спросила? – насторожилась Клавдия Ягинична.

Увлеченная рассказом бабушки, Танья уже и позабыла об изначальной причине их диалога.

- А! – и девушка неловко выпрямилась. – Ты ведь знаешь Волка? Меня с ним в этом году посадили. Вот хотела подружиться.

- Понятно. А дружбу из праздного интереса хочешь али как? – облокотившись на скрещенные руки, пожилая женщина подалась вперед.

- Да просто. Казалось, он одинок…, - пожав плечами, вполголоса произнесла Танья.

- Это дело хорошее, да только бесполезное. Не подпускают к себе они никого просто так. Раньше хоть в невестах интерес имели, а нынче вообще живут словно отшельники, - тяжело вздохнула колдунья. – На них отпечаток сильно темный лежит. Люди им не доверяют, не подпускают. А, ежели шо случается, так сразу на них пальцем указывают, - многозначительно посмотрев на внучку, окончила Клавдия Ягинична, вставая из-за стола.

Танья задумалась.

- Учти, пока все не съешь, из-за стола не выйдешь, - пригрозила пальцем колдунья, направляясь в зал. Скоро должна была начаться ее любимая передача, «Городок», и пожилая женщина не намерена была ее пропускать.

Сама являясь большой поклонницей этой передачи, фея спешно пообедала, убрав основную часть еды в холодильник, и, удобно устроившись подле бабушки, неожиданно для нее задала вопрос:

- Ба, а, если ты так давно живешь, почему маму только в прошлом веке родила?

- Так, это, нагулялась бабушка твоя, - бросила женщина, не сводя глаз с экрана.

Глава четвертая

Русалка развалилась поперек кровати, свесив голову вниз, и с прикрытыми глазами слушала музыку через наушники. Танья тихо прошла к шкафу, чтобы наконец-то избавиться от школьной формы. Уловив чужое присутствие, Леся вначале нахмурилась, а затем, открыв глаза и вытащив наушники, села на кровати.

- Извини, я старалась не шуметь, - переодеваясь, произнесла Танья. – Дашь списать физику?

- Я еще не делала уроки, тебя ждала, - пожала плечами русалочка. – Как, подежурила с Волком?

Услышав имя одноклассника, фея передернула плечами. По ее коже пробежал озноб. Леся прищурилась, внимательнее вглядываясь в подругу.

- Что он сделал? – строго спросила она.

- Ничего особенного, - не глядя на соседку, ответила Танья. – Всего лишь пытался напугать.

-Я смотрю, у него это отлично получилось, - цокнула русалка.

Предчувствуя, что та может сказать, фея поспешно выдала:

- Только не нужно с ним разговаривать. И вообще подходить к нему.

- Боишься? – глухо спросила Леся.

Танья резко повернулась к подруге и, глядя той прямо в глаза, с жаром заговорила:

- Понимаешь, я думаю, это у него защита такая. Бабушка говорит, колдуны никого к себе не подпускают. Потому что, случись что, все сразу на них думают. Вот они заранее весь свет себе во враги и записали.

Русалочка только хмыкнула.

- Я хочу показать ему, что не все такие, не все будут его судить.

- Попробуй, - усмехнулась Леся, не совсем понимая, для чего это нужно подруге.

- Хотя.. если честно, даже не знаю, как я это сделаю. У него был такой взгляд…, - Танью пробил озноб, и она тут же постаралась забыть эти жуткие, черные глаза.

Переодевалась девушка вяло, будто ее терзало что-то еще. Время от времени руки ее замирали над очередной пуговицей, потом хватались за нее, позабыв, что уже расстегнули.

- Мне сегодня кое-что показалось…, - глухим голосом начала она, опустившись на кровать и уставившись в пол. – Словно Борису было неприятно смотреть, как Забава с кем-то флиртует. Как думаешь, - боясь передумать, быстро затараторила Танья, - она может нравиться ему? – и девушка умолкла, не в силах даже взглянуть на подругу.

Та с шумом выдохнула и облокотилась на выставленные назад руки. Имея привычку говорить то, что думает, независимо от того, причинит это боль или нет, Леся произнесла:

- Может.

Фея от досады закусила губу.

На какое-то время между девушками воцарилось исцеляющее молчание. Танье необходимо было немного переварить эту мысль. Русалочка, прекрасно все понимая, спокойно переводила взгляд с одного предмета в комнате на другой.

- Ты уже столько книг прочитала, - негромко произнесла она, выцепив взглядом уголок книжки, что высовывался из-под подушки на кровати феи.

Та, поджав губы, нерешительно достала книжку и пролистала. Старые страницы успели пожелтеть, из потертой тканевой обложки торчали нитки. Но все еще крепкий переплет не позволял всей этой конструкции разлететься.

- Да-а, - вяло протянула Танья. – Тут вот рассказывается про то, как феи заманивали путников в круг и вынуждали с ними танцевать. До изнеможения.

- Хм, у русалок есть что-то подобное, - задумчиво протянула Леся. – Мы заманиваем мужчин и щекочем их до смерти.

- Ужас, - фыркнула фея. – Может, поэтому ни у тебя, ни у меня до сих пор нет парня? – хихикнула девушка.

- Кстати, - отведя взгляд в сторону, произнесла русалочка, не обратив внимания на шутку подруги, - так я появилась на свет.

Танья подалась вперед. Прежде Леся никогда не рассказывала о своем рождении. Заметив живой интерес одноклассницы, русалочка на миг прикрыла глаза, как бы собираясь с мыслями, и поведала:

- Моя мама заманила какого-то мужчину. Видимо, умом я пошла не в него, раз он оказался достаточно глуп, чтобы на вопрос: «полынь или петрушка» ответить «петрушка».

Лесе хотелось выглядеть безразличной, словно вся эта история для нее ничего не значила, но плотно сжатые губы, то, с какой печалью светились глаза говорили об обратном.

Потому она так и не любила Русальные недели и не разделяла того веселья, которому предаются в то время водные девы.

- А что потом случилось с твоим отцом? – кусая губы, задала вопрос Танья.

- Умер, - сухо ответила Леся.

У Таньи от услышанного непроизвольно округлились глаза. По коже медленно поползли мурашки. Фея попыталась тихо сглотнуть, чтобы не задеть своей реакцией подругу.

У обеих было за плечами сложное сказочное наследие, далеко не всегда приятное, но это была их основа, их история, с которой приходилось считаться. Но у русалочки она хотя бы была цельная, а вот фея порой чувствовала себя разбитой чашкой. Живя в семье колдуний, Танья не понимала, что наполняет ее, какова ее традиция. Относится ли к ней наследие Бабы Яги или ее удел заморские легенды? Возможно, будь у нее связь с отцом, было бы проще, он бы поведал ей, кто она. Но, увы, как бы девушка ни просила, Ноябрина Ягинична ни в какую не хотела называть ни адреса того эльфа, ни имени. И очень высока была вероятность, что женщина вообще ничего из этого не помнила.

Гнетущую атмосферу в комнате разрушил маленький ураган по имени Верея. Девчонка стремительно влетела к подругам, с шумом распахнув дверь, и едва не свалилась, запутавшись в ногах.

- Мне срочно нужны краски! Бабушка сказала, у тебя есть, - запыхавшись, протараторила Верея.

Являясь колдуньей, девчушка по духу не была близка с сестрой. И дело не только в различии колдовского дара. Верея никогда не задумывалась, что значит, быть не такой, как все. Веселая, подвижная, активная, девчушка - душа любой компанией и известная заводила. По-детски нескладная. Пшеничного оттенка волосы слегка вились и, казалось, жили своей жизнью, особенно любя следовать за порывом ветра. Так что Верея частенько выплевывала особенно обнаглевшие пряди изо рта. Большие серые глаза все время беспокойно блуждали, не в силах сконцентрироваться надолго на чем-то одном. Несколько родинок на лице: две у глаза и одна на щеке - придавали девочке еще большее очарование.

- А где «привет»? – упрямо сложив руки на груди, поучала Танья. – Это мои краски, ты мне их испортишь.

- Что ты как маленькая? – и Верея высунула язык. – Я стенгазету рисую! Ну, пожалуйста! – протянула последнее слово девочка, молитвенно сцепив руки.

- Ну, смотри, - неохотно поддалась фея.

Верея в нетерпении запрыгала на одной ноге. И даже недовольный взгляд старшей сестры не смог убавить ее энтузиазма.

Глава пятая.

В это утро Забава несколько грубо расчёсывала свои золотистые волосы перед тем, как небрежно заплести их в косу. Сердито окинув взглядом свое отражение, девушка хотела было спуститься вниз, но, после минутного замешательства, все-таки нанесла легкий макияж. С самого утра все шло наперекосяк: вначале она свалилась с кровати, так ворочалась во сне, во время умывания зубная паста попала в глаз, по пути на кухню Забава больно ударилась об угол мизинцем, колготки пришлось переодевать, поскольку на первой паре девушка сразу же сделала зацепку…! Одним словом, колдунья встала не с той ноги. В какой-то момент школьница начала подозревать, что ее прокляли.

- Забава, цветы завяли, - послышался вялый, полный апатии голос матери.

Спрятав лицо в ладонях, колдунья в отчаянии застонала. При нескончаемом потоке из букетов живых цветов девушка никогда не испытывала нужды не то что в двух вазах, даже в одной. Ведь к концу каждого дня в доме из растений уживались разве что искусственные. И все из-за матери Забавы, Снегурочки. Стоило ей пройти рядом с цветами, как жизнь покидала несчастных. Вначале Забава пробовала прятать их у себя в комнате, но к середине дня меланхолия матери доходила и до второго этажа. Ругаться со Снегурочкой было бесполезно. Ведь в том не было ее вины.

Когда-то давно в старые времена, когда еще приносили дочерей в жертву Карачуну, духу зимнего мороза, стужи и смерти, отвели в снежный лес красную девицу. Много таких уснуло вечным сном под усыпанной снежным покрывалом елью на радость зимнему духу. Из милости усмирял Карачун свои морозы, сажал на цепь непокорную вьюгу.

В ту ночь бродила по миру Яви богиня смерти, Морана. Одинокая. Мрак был ее единственным и верным спутником. Простые люди боялись страшной богини, сторонились. Истосковалась душа Мораны, пусть и не человек, а все равно душа тепла просит. И вдруг взгляд богини скользнул по припорошенной снегом девичьей фигурке. Дождалась Морана, когда сердце, некогда живое, горячее, остынет, когда утратит способность любить, чтобы не рвалось оно домой, не тосковало по родным. Тогда подхватила она несчастную, пробудила ото сна и нарекла Снегурочкой. С тех пор стала девушка ни жива, ни мертва, обреченная вечной тенью следовать за своей благодетельницей. А, когда Морана разродилась наследницей и покинула мир Яви, Снегурочка осталась наблюдать, как, словно река, несется сквозь века род богини Смерти. Долго оставалась Снегурочка незваным гостем в чужой жизни, пока в конце прошлого века не решила, что пришла и ей пора подарить жизнь. Любовь, симпатии – все это было чуждо холодной красавице. Создала она себе ребенка, истратив остатки теплившейся в ней с древних времен человеческой искры жизни. Так на свет появилась Забава. А сердце Снегурочки навеки оледенело.

Может, поэтому, лишенная материнского тепла, юная колдунья так отчаянно искала его всеми доступными ей способами.

Сложив руки на груди, Забава с сердитым видом направлялась в школу, не особо заботясь о том, что или кто ее окружает. Слишком погруженная в свои мысли.

- Забава!

Девушка ахнула и покачнулась. Юноша заботливо подхватил школьницу за талию, не позволив упасть.

- Боря! – юная колдунья на эмоциях стукнула парня по плечу, одновременно отстраняясь от старшеклассника. Ее прямые тонкие брови сердито сошлись на переносице.

Но старшеклассник, казалось, совсем не расстроился от подобного проявления недружелюбия. Глаза его сияли, глядя на Забаву, а с лица не сходила глупая широкая улыбка.

- Чего такая злая? – подразнил он ее, слегка наклоняясь к девушке.

Забава, цокнув, отвернулась. Вмиг все ее невзгоды за день показались такими глупыми. Немыслимо, что она позволила им испортить себе настроение.

- Ничего, - повела девушка плечами, - утро не задалось, - подумав, все же бросила она.

- Что ж, попробую это исправить, - подмигнул ей Боря.

Юноша так тепло улыбался Забаве, что сердце ее не выдержало и растаяло, смягчив черты лица красавицы.

- Ну, тебя, - улыбнулась девушка и продолжила свой путь к школе.

- Не против, если я провожу тебя? – нагнав школьницу, что, в принципе, не составило особого труда, поинтересовался Боря.

- Нет, - не глядя на парня, довольно улыбнулась Забава.

- А-а, а парень твой против не будет? – как бы между прочим уточнил юноша, с напускным безразличием пожав плечами.

- Борь, ты что, белены объелся? – прыснула девушка. – Какой парень?

- Ну, вчера, - нелепо почесав указательным пальцем висок, пробормотал старшеклассник.

Колдунья бросила на того лукавый взгляд, но, встретившись с чистыми, бесхитростными глазами юноши, девушка вмиг сбросила всю свою напускную игривость. Почему-то с Борей у Забавы не получалось привычно флиртовать, только не с ним. Рядом с юношей она всегда становилась искренней, хотела колдунья того или нет.

- Да, пустомеля он, ничего серьезного, - поджала губы Забава, а после широко улыбнулась. – Видел вчера новую серию «Остаться в живых»?

Для девушки не существовало труда даже самую простую тему сделать столь увлекательной, что за ее обсуждением незаметно пролетали часы. Что уж говорить о популярном сериале? Так, строя различные теории и пытаясь докопаться до истины, ребята дошли до школы.

Почти дойдя до пункта назначения, Борис остановился, вынуждая Забаву обернуться на него и сделать то же.

- Что ж, увидимся, - открыто глядя на девушку, прощался юноша.

- Да, конечно, - кивнула та, отчего прядка волнистых волос выскользнула из нетугого плетения косы и упала колдунье на лицо. – Ой.

Но не успела Забава вплести ее обратно, как Борис неожиданно мягко поддался вперед и заправил выбившуюся прядь за ухо девушки, вызвав невольные мурашки в месте, где его пальцы коснулись кожи. Забава всеми силами старалась подавить этот непрошенный трепет. Легко улыбнулась на прощальный кивок Бориса.

Оставшись одна, колдунья обернулась на школьные ступеньки и встретилась с изумленными взглядами своих подруг. Девчонки смотрели на нее в замешательстве, недоуменно нахмурив бровки, у Люси так вообще челюсть держалась сомкнутой из последних сил. А вот Танья… Что-то в выражении ее лица настораживало Забаву. Это что-то пробежало едва уловимой тенью, залегло в уголках глаз. И, как бы широко ни улыбалась фея подруге, та знала, что это фальшь.

- Как вчерашний парень? – как-то странно глядя на колдунью, спросила Леся, - не будет к Борису ревновать?

- Н-нет, - в жизни Забава довольно редко испытывала замешательство. И вот очередной редкий случай. Колдунью не отпускало ощущение, что между подругами существует некая тайна, в которую ее не удосужились посвятить. И вот сейчас они все в курсе чего-то, в то время, как сама Забава понятия не имеет, что произошло. Довольно неприятное чувство. Кому понравится ощущать себя полной дурой?

- Так вы с ним встречаетесь? – уточнила Леся.

Забава настороженно выпучила на нее глаза. Никогда прежде за русалочкой не наблюдалось такого ретивого интереса к ее личной жизни.

- С кем? – от неожиданности обомлела колдунья.

- У тебя так много ухажеров?

А вот и привычные колкие нотки в голосе Леси. Все в порядке, все возвращается на свои места.

- Да ни с кем я не встречаюсь! – начинала заводиться Забава. – Невозможно строить отношения с человеком, с которым даже поговорить не о чем! – поучительным тоном объявила она.

Слова колдуньи всколыхнули в Танье недавние переживания. Сама того не ведая, Забава навела подругу на довольно печальные выводы.

Последний звонок оповестил уставших школьников об окончании учебных занятий. Выдохнув с облегчением, ребята повалили из разных кабинетов, вливаясь в общий поток, направляющийся в раздевалки. Компания подруг, никуда не спеша, позволила основной массе схлынуть из школьных коридоров, чтобы самим спокойно, ни на кого не натыкаясь, спуститься вниз.

Словно позабыв о том, что на дворе осень, солнце по-летнему приятно припекало, озаряя каждый уголок своим радушным золотистым светом, скрашивая наступившие серые учебные будни. И небо, вторя своей круглолицей подруге, в память о недавних летних днях стерло все облака, оставив только непроглядную синь.

- Почему вчера не могло быть такой погоды? – от возмущения Леся на сразу попала рукой в нужный рукав.

Болтая и наслаждаясь погожим днем, школьницы не заметили прислонившегося к крыльцу школы юношу, пока тот не окликнул их.

Девушки, как по команде, обернулись. Судя по виду Бориса, он ужасно спешил: волосы слегка взъерошены, шнурки завязаны неплотно, как если бы парень делал все на ходу.

- Борь, ты чего? – первая подала голос Люся, в замешательстве изучая внешний вид брата, подобная неопрятность никогда не была частью его стиля.

- Да я тут жду, боялся не успеть, - несколько смущаясь, начал оправдываться он.

- Кого? – задала интересующих всех вопрос Забава.

Хотя, учитывая, что все внимание юноши было обращено только на колдунью, будто вокруг не существовало больше ни души, он казался ненужным.

- Эм, тебя, - еще шире улыбнулся Борис, его позабавила растерянность в глазах девушки. – Кажется, мы не до конца обсудили вчерашнюю серию.

- И ты хочешь сделать это сейчас, - выгнула бровь Забава.

- Да, пока буду провожать тебя до дома, - указывая большим пальцем себе за спину, произнес юноша.

- Ну, - Забава оглянулась на обомлевших подруг, - давай, - обескураженно пожала она плечами. – Пошли, - сама не понимая, зачем, согласилась девушка.

Тот с шумом выдохнул, словно с него спал тяжкий груз. Забрав у школьницы портфель, Боря легко закинул его себе на плечо.

- Ты же не в серьез говорил про сериал? – упрекнула она его.

На что юноша, закусив губу, широко улыбнулся.

Глава шестая

- Ну, дела! – ахнула Люся и закашлялась, поперхнувшись.

- А, по-моему, как раз ничего удивительного, - засунув руки в карманы джинсовки, задумчиво произнесла Танья, глядя вслед удаляющейся паре, и только когда ребята скрылись вдалеке, встрепенулась, словно очнулась от транса.

Леся, поджав губы, сочувствующе погладила школьницу по плечу. Она была единственная, кто не провожал взглядом Бориса с Забавой, быстро отвернувшись в негодовании, восприняв поражение подруги как свое собственное.

Она никому не рассказывала, даже Танье, что загадала, если Боря все-таки обратит внимание на фею, то и сама русалочка доверится этому призрачному, неуловимому, как выдыхаемый на морозе воздух, чувству. Найдет в себе силы переступить через страх. Позволит себе почувствовать.

Стоит ли говорить, что Леся всегда плакала, когда смотрела советский фильм русалочке. Особенно девушку трогала музыкальная тема в нем, написанная композитором Евгением Крыловым. В ней нет никакой надежды или ложного обещания. Начинаясь сразу с обреченной тоски и обрывается словно последний вздох.

Но Борис вместо такой трогательной Таньи предпочел Забаву, а Леся была не высокого мнения о способности колдуньи к серьезным чувствам. И словно в поддержку ее слов Люся с жаром воскликнула.

- Это же ничего не значит! Мы же говорим о Забаве! – девушка попыталась выдавить улыбку, но получилась какая-то несуразная гримаса.

- И все мы знаем, чем эта история закончится, - вяло произнесла Леся.

- А Боря – дурак! – получив поддержку, продолжила разглагольствоваться дочь богатыря. – Все ж знают, что Забавка серьезных отношений не ищет! Так, было б с кем погулять вечерком, чтоб цветочки подарили, да и все!

- Леся, - укоризненно глянув на девушку, покачала головой Танья, - а вдруг, в этот раз серьезно?

- А если нет?! – запальчиво воскликнула Люся, обернувшись на фею, и, сжавшись, обиженно выпятила нижнюю губку, - он же мой брат! – И, отвернувшись, тихо добавила, - не хочу, чтобы моя подруга разбила ему сердце. Как мне потом с ней общаться?

Слова подруги вытащили Танью из глубин ее переживаний и заставили обратить свое внимание на Люсю. Что для нее значила эта перемена мест слагаемых? Ведь при плохом исходе ей придется выбирать между родным братом и близкой подругой. Как бы школьница ни хорохорилась, ни демонстрировала свою независимость, девчонки знали, Люся очень привязана к Боре, его мнение по мере того, как она взрослела, становилось даже более значимым, чем мнения отца. Беспокойство за юношу тенью проступило на лице девушки.

Леся и Танья обменялись взглядами. Обе прекрасно понимали, что это затишье перед бурей. Дочь богатыря не могла долго находиться в состоянии покоя, особенно, когда ее что-то тревожило.

- Ты только не дави на него, - осторожно произнесла Леся, заглядывая в глаза подруги.

Та раздраженно повела плечами. По ее нахмуренным бровкам можно было догадаться, что роковая мысль уже поселившаяся в сознании Люси, обретает форму, создает план действий.

И, по многочисленному печальному опыту, Танья и Леся знали: от них уже ничего не зависит. Никакие слова не способны были изменить созданного в беспокойном мозгу школьницы импульса. Разве что ее связать…? Тогда еще шанс был бы.

Спешно попрощавшись с подругами, Люся со всех ног побежала к дому. Сердце ее колотилось так, что отдавалось болезненной пульсацией в висках. Жаль, девушка не могла перематывать время - невыносимо медленно она приближалась к дому. Взбежала на второй этаж, открыла дверь комнаты брата. Но того нет. Оббежав весь дом, Люся кинулась во двор, где ее мама, Валерия Игоревна, собирала последние остатки былого урожая.

- А-а, вот и ты, - выпрямляясь, улыбнулась она дочери.

Это была статная, крепкого телосложения женщина с темно-русыми волосами, крупными чертами лица, не лишенного при этом обаяния.

- Курятник уже ждет, - спокойным, ровным голосом напомнила Валерия Игоревна.

- А Боря еще не приходил? – несмотря на сбитое дыхание, выдавила школьница, жадно хватая ртом воздух.

- Еще нет, - и тут густые брови женщины срослись на переносице, - случилось чего?

Девушка прикусила язык. Она отлично понимала, к чему все идет: мама начинала заводиться, и ее конечная стадия не идет ни в какое сравнение с пресловутой Медузой Горгоной. Надо было срочно что-то придумать, пока процесс превращения еще обратим.

- Да просто хотела его попросить за меня почистить, - выпалила Люся.

- Ну и лентяйка, - уперев руки в бока, покачала головой Валерия Игоревна. – Будь твоя воля, гуляла бы ты в поле, что вольный ветер!

- Ну, ма-ам, - простонала девушка, выражая таким образом протест против такого мнения о своей персоне.

- Ничего не знаю! – вскинула руку женщина, неверно восприняв возглас дочери. – Иди переодеваться и марш за работу.

Простонав от негодования, Люся поспешила выполнить наказ матери, радуясь, что ей удалось сбить ту со следа, но и в то же время сокрушаясь, что придется возиться с куриными отходами.

Будучи при деле, Люся несколько легче переносила тревожащее ее отсутствие брата. Зная, что мама будет тщательно оценивать проделанную работу, она старалась добросовестно выполнять свои обязанности. И, кажется, сдерживаемые эмоции неплохо помогали в борьбе с нечистотами.

- Умница, - довольно похвалила дочь Валерия Игоревна, проходя мимо курятника. – А теперь пошли обедать. Боря как возвращается, - с этими словами женщина деловито закинула кухонное полотенце на плечо.

- Боря…, - прошептала Люся. – Боря! – крикнула она и как оголтелая побежала к брату, едва не сбив с ног родную мать.

- Вот же ш дереза! – только выдохнула Валерия Игоревна, запнувшись, но все-таки удержав равновесие.

Девушка промчалась на всех порах, даже не поздоровавшись с отцом, пришедшим с завода на обед. Тот в недоумении почесал затылок и вопросительно уставился на жену:

- Какая муха ее на этот раз укусила?

О том, что отец непременно отчитает ее за подобное поведение, Люсю сейчас волновало меньше всего. Ей непременно нужно было поговорить с братом, пока ее просто не разорвало изнутри от переполняемых чувств. Перехватив того у калитки, школьница завела Бориса за угол, подальше от родительских ушей. Юноша, конечно, позволил сестре эту странную вольность, послушно последовав за ней. Но, по тому, как изогнулись его брови, по всплывшей в глазах тревоге, можно было догадаться, что поведение девушки его краньe насторожило.

Они остановились в углу недавно выкрашенного высокого желтого забора, поверху которого веером раскинулись ветви яблонь, отчего воздух в этом месте пропах сладким медовым ароматом. Несмотря на наступивший сентябрь, листья не спешили сдаваться без боя, до

последнего сохраняя бледно-зеленый окрас, только местами, словно плешь, виднелась тусклая желтизна.

Благодаря как раз-таки близости деревьев, что служили надежным укрытием, и отсутствию в обеденный час прохожих, дочь богатыря и выбрала это место.

- Говори, что натворила? – вполголоса начал Боря, оглядывая Люсю. – Или тебя кто обидел? – не дав той и слова вставить, задал юноша следующий вопрос, и взгляд его стал пристальнее скользить по рукам и ногам сестры, выискивая синяки или ссадины.

- Да нет же! – раздраженно проговорила она, продолжая держать Борю за руку, но взгляда на него не поднимала, словно чувствовала, что ее слова обидят брата. – Ты Забаву провожал!

- Провожал, - согласно кивнул богатырь. И тут же его лицо разгладилось, на лице расползлась теплая улыбка, а взгляд стал таким ласковым, словно первый майский день постучался в окно. – Ты ревнуешь, что ли? – и Боря с любовью потрепал сестру по голове.

- Да нет же! – повторила Люся, но уже сдавленным голосом. – Ты ее любишь? – и тут ее прорвало. Слова полились бурной рекой, разметая все препятствия в виде здравых мыслей.

Улыбка брата потускнела, а затем и вовсе сошла с лица.

– Просто, если любишь, то лучше не связывайся с ней. Она ведь поиграет с тобой день, ну, два, и все. А ты потом страдать будешь! А мне между вами метаться? А если не любишь, то и вовсе это все незачем! Что, мало девчонок, с которыми погулять можно? В тебя же Танья влюблена!

- Люся, - позвал ее Боря.

- Я просто о тебе беспокоюсь! Ты очень хороший!.., - словно не слыша его, продолжала девушка.

- Люся! – голос брата прозвучал решительно и непривычно грубо.

Она осеклась и виновато посмотрела ему в глаза.

- Забава ведь твоя подруга, - нравоучительно произнес Боря, и в глазах его отразилось разочарование.

Этого вынести Люся не могла. Слезы крупными градинами потекли нспо ее щекам. Сжалившись над сестрой, богатырь мягко притянул ту к себе одной рукой. И девушка послушно поддалась, виновато понурив голову.

- Она ведь твоя подруга, - повторил юноша, но мягче.

- Я знаю, - буркнула Люся. – Потому-то и говорю так. Мы же все с девчонками видим. Да Забава и не скрывала никогда, - оправдывалась она.

- А, может, вы ее плохо знаете? – неожиданно предположил Боря.

- Мы? – изумление Люси было настолько велико, что она, отстранившись, выпучилась на брата.

- Она мне очень давно нравится, - глядя прямо в глаза сестре, произнес богатырь. – И я думаю, Забава не такая поверхностная, как вы про нее решили, - заметив сомнение в глазах Люси, Боря сокрушенно добавил. – Ну, хорошо, если ты все-таки окажешься права, я месяц буду выполнять все твои обязанности по дому, - с этими словами он поцеловал сестру в лоб и повел к дому.

Люся наспех вытерла глаза. Но разговор с братом не принес должного успокоения. Расправившись с обедом и выслушав нагоняй от отца, школьница под неубедительным предлогом визита в библиотеку выскочила из дома.

Эмоционально выжитая, как лимон, девушка брела к дому колдуньи, обдумывая свою речь.

Забава как раз садилась за уроки, когда на пороге ее комнаты возникла понурая Люся. Учебники вперемешку с тетрадями неровной башней возвышалась на столе, пародируя свою более известную родственницу.

Удивленно вскинув брови при виде одноклассницы, Забава тут же улыбнулась. Но, внимательнее приглядевшись к однокласснице, к ее потерявшим краски лицу, к потухшим глазам, в которых так яростно плескалась обида, юная колдунья забеспокоилась.

- Ты в порядке? – не в силах встать от передавшегося ей волнения, прошелестела девушка.

- Скажи, зачем тебе Боря? – мертвым голосом спросила Люся.

- В смысле? – поперхнулась Забава и с подозрением уставилась на подругу. – Ты что, выпила?

- Кто? Я? – теперь уже подавилась воздухом Люся.

- А кто, я что ли? Такие вопросы…, - наконец-то оправившись от шока, волшебница поднялась со своего места и направилась к подруге. – Ты чего? – и тайком от нее все-таки принюхалась.

- Да не пьяная я! – ахнула девушка. – Ты с моим братом теперь решила любовь крутить? Больше никого не осталось?

Забава вначале в ступоре улыбнулась, а затем разразилась таким звонким хохотом, что уже Люся смотрела на нее, как на помешанную.

- Это из-за того, что он меня до дома проводил? Эка невидаль! – не могла успокоиться Забава.

- Но раньше ведь не провожал. Другие - да, но не он! – не унималась подруга.

Волшебница ласково взяла девушку за руку и повела к своей постели.

- А он сказал, что ты ему нравишься! – ляпнула та и тут же поморщилась, осознав свои слова.

- Значит, не показалось, - пробормотала она себе под нос, отводя взгляд.

Высвободив руки из ладоней Забавы, Люся оперлась о кровать и, покачиваясь, попыталась достучаться до подруги:

- Он же мой брат. Не надо с ним играть, потому что я просто не прощу тебя, понимаешь? – голос девушки звучал непривычно тихо и серьезно, оттого пугал еще больше.

- Да почему ты думаешь, что я играть с ним буду? Еще вообще ничего не произошло! – и, предугадывая возражения подруги, которая уже было открыла рот, волшебница, глядя прямо той в глаза, четко произнесла, - Давай так: если когда-нибудь Боря позовет меня гулять, а я пойму, что не отношусь к этому серьезнее, чем к походу за хлеб, я ему откажу, хорошо?

- Хорошо! – живо закивала Люся и кинулась с объятиями к Забаве, едва не задушив ее.

Та охотно приняла подругу, вновь широко улыбаясь.

- Ну, и дуреха же ты.

- А вот и гулена наша! – громким голосом объявила Валерия Игоревна, стоило школьнице затворить за собой дверь. – Нагулялась, а теперь марш за уроки! – скомандовала она.

Девушка молча кивнула и направилась наверх. Наконец-то Люся ощущала покой внутри себя, кипевшие страсти улеглись, и она вновь могла дышать полной грудью, не терзаясь колкими раздумьями. Остановившись напротив своей спальни, девушка помедлила. Оглянулась на приотворенную дверь комнаты брата. Нерешительно потоптавшись, Люся все-таки решилась.

Она не стучалась. Просто застыла у небольшой щели и принялась сверлить фигуру богатыря глазами, как делала с незапамятных времен, если нуждалась в разговоре.

Борис полулежал на кровати, закинув одну руку за голову, а второй удерживая на весу книгу. Судя по ее потрепанному виду, явно классика из семейного архива. Юноша выглядел таким безмятежным, расслабленным.

- И кто же там? – притворившись, что не замечает сестру, позвал богатырь.

- Идиотка, - пробормотала Люся.

- Заходи давай, - вздохнул парень, откладывая книгу. Он принял более удобную позу для разговора и кивнул на кровать, показывая, что готов выслушать.

Школьница, вздохнув, запрыгнула к брату, согнув одну ногу по-турецки, а вторую свесив вниз.

- Это по поводу Таньи…

- Не переживай, - верно угадав направление мыслей девушки, поспешил успокоить ее Борис, - мое отношение к ней не изменится.

- Скажи, - облизала губы Люся, - ты правда не видел, что она влюблена в тебя?

- Н-нет, - юноша скованно пожал плечами и покачал головой.

- И она тебе совсем-совсем не нравится? – состроив бровки домиком, с легкой надеждой в голосе поинтересовалась Люся.

Богатырь смущенно откашлялся.

- Послушай, - пряча стеснение за улыбкой, начал он, - Танья, безусловно, очень хорошая девушка…

- Да-да, знаю, вы выбираете других! – несколько разочаровано повела рукой девушка.

- Кто это «вы»? – улыбнулся Боря.

- Ну, большинство, - протянув ладонь, поддалась вперед Люся. – Выбираете таких, как Забава.

- А что в Забаве плохого? – мягко поинтересовался юноша.

- Да ничего, - еще больше сгорбилась школьница.

- Послушай, - попытался несколько приободрить сестру Боря, - вот ты любишь молочный шоколад, а кому-то нравится белый или с изюмом, - богатырь все больше и больше смущался и краснел. Не в силах больше смотреть на Люсю, он отвел взгляд к стене, к которой прилегала его кровать.

- Так, а какой шоколад у нас любишь ты? Белый со вкусом клубники? – намекая на нездоровую любовь Забавы к розовому цвету, уже издевалась над братом Люся, выразительно играя бровями.

- Так, иди делать уроки, - неловко усмехнулся Боря, запуская в сестру подушкой.

Та не потрудилась уклониться, так ее пробрал смех от сконфуженного выражения лица богатыря

- Я серьезно, - уже строже повторил юноша. – А то ты и без того испытываешь сегодня терпение родителей. Еще запрут тебя до Ишачьей Пасхи.

- Ладно, - протянула Люся и, ловко соскочив с кровати, направилась к выходу из комнаты, уже у самых дверей обернувшись на Борю, который, в свою очередь, смотрел ей вслед. – Люблю тебя.

- И я тебя.

Глава седьмая

По дороге к дому Танья всячески избегала разговоров о Боре и Забаве, ловко перескакивая с темы на тему. А оказавшись дома, быстро взбежала по лестнице, и, даже не переодевшись, тут же кинулась делать уроки.

- Это что, подростковый бунт? – в недоумении глядя на лестницу, поинтересовалась Ноябрина Ягинична, прижав руку к груди. – А не поздновато ли?

- Не переживайте, тетя Ноябрина, это не оно, - успокоила женщину Леся. И, хоть на губах ее растянулась улыбка, печаль, предательски проступившая в глазах, все равно выдавала девушку с потрохами.

Но будучи женщиной мудрой Ноябрина Ягинична решила не вмешиваться до поры до времени.

Русалочка последовала за подругой. Застав ту за уроками, Леся осторожно села рядом с Таньей и попыталась было заговорить, но фея, опередив ее, тут же затараторила:

- У меня никак не сходится ответ в этом упражнении. Всегда осознавала, что алгебра – это не мое, - уткнувшись в тетрадку, сокрушалась она.

Русалочка промолчала. Все то время, что девушки провели за учебниками, единственное, о чем они переговаривались – пути решения тех или иных задач.

Наконец-то закрыв последний учебник, Леся с облегчением потянулась, в то время как Танья изможденно держалась за голову. Физика всегда была выше понимания феи, и каждое упражнение, каждая формула просто высасывали ее мозг. И чем упорнее школьница пыталась ее понять, тем сильнее раскалывалась голова.

С сочувствием поглядев на подругу, русалочка, для которой точные науки как, впрочем, и гуманитарные, представлялись больше увлекательным путешествием, нежели тяжким препятствием, предложила отдохнуть и провести время за кружками ароматного травяного чая. Танья автоматически кивнула, как если бы ее мозг не до конца вернул себе способность управлять телом.

Девчонки удобно устроились в двух глубоких креслах, что располагались в углу у окна на первом этаже недалеко от двери. Фея любила это место. Несмотря на близость входа, этот закуток казался таким уединенным, уютным. Окно, втиснувшись между креслами, выходило в палисадник, и летом из него доходил невероятно вкусный аромат роз, тюльпанов, пионов и других цветов, представлявших гордость Таньи. Осваивая самый понятный для себя дар, которым должна обладать каждая фея – садоводство, девушка уже давно практиковалась во взаимодействии с растениями. И, если исполнить бабушкину мечту о самом большом кабачке пока не получалось, то с цветами Танья поладила, и летом они с Ноябриной Ягиничной часами пропадали в палисаднике.

- Интересно, в эту субботу устроят день здоровья?.., - тут же попыталась завладеть диалогом Танья, делая глоток ароматного чая с листьями мяты и малины.

- Если нам опять устроят эти веселые старты…! - поморщила носик Леся, вглядываясь в чай. – Да я лучше пуд полыни съем!

- Да-а, в том году меня поставили в пару к Румяне, - сконфуженно поморщилась фея, опустив взгляд.

- И ваша команда пришла едва ли не последней, - откинулась в кресле русалочка.

- До сих пор стыдно, - промямлила девушка. - Знаешь, в этом году было бы неплохо оказаться нам в одной команде: ты, я, Люся и Забава, - последнее имя вылетело из уст Таньи словно сдувшийся воздушный шар. Она попыталась прочистить горло. И вдруг расплакалась. Слезы крупными бусинами скатывались по щекам. Сжав губы, фея зажмурилась, надеясь загнать

непрошенные слезы обратно, но те упрямым потоком стремились наружу. Опустив голову, она тихо рассмеялась.

Все это время русалочка сидела, поддавшись вперед, старалась понять, какая реакция с ее стороны сейчас будет уместна.

- Знаешь, на днях он провожал меня, - призналась Танья и не дав собеседнице возможности возмутиться, впопыхах изложила всю историю. – И это было так ужасно! – призналась она. – Я чувствовала себя так…! В общем, неправильно! Я не такая, как Забава. И, это естественно, что Боря обратил на нее внимание. Кто будет встречаться с человеком, который постоянно заикается и путается в словах? С которым вы больше молчите, нежели разговариваете? Я безнадежна!

- Ерунду говоришь! – не сдержав эмоции, вставила Леся. – Это тебе не о чем с Борей разговаривать. Дело не в тебе! К тому же у Забавы завидный опыт, - поморщив носик, безжалостно добавила она.

- Не надо, - покачала головой фея. – Я знаю, ты ее не особо любишь.

Сжав губы в тонкую линию, русалочка отвернулась.

- Пошли! – вдруг вскочив на ноги, скомандовала она.

- Зачем? – не поняла школьница. По ее щекам продолжали стекать слезы, но надлома уже не было.

- Пошли! – напирала Леся и, взяв подругу за руку, стащила ту с кресла.

Танья, не видя смысла сопротивляться, сдалась. Спешно вытерев слезы, фея скользнула вслед за подругой.

Дом Клавдии Ягиничны располагался прямо на окраине поселка, неподалеку от которого раскинулся хвойный лес. Никто не запрещал детям или подросткам заходить в него, только один был наказ: не углубляться в чащу. Считалось, что в темных глубинах леса еще можно встретить древнюю силу и сгинуть. Ну, или просто заблудиться.

И прямо сейчас, спешно ступая по дороге, Леся уводила подругу в сторону леса. Русалочка верно считала, что сейчас фея не захочет, чтобы бабушка или мама застали ее в расстроенных чувствах. Эмоциям нужно дать время. А Танье - временное убежище. И лес для этой цели подходил как нельзя лучше. По дороге девушки обменивались ничего незначащими фразами, лишь бы не впадать в тишину, что отдалит их друг от друга, оставив каждую со своими, съедающими изнутри мыслями.

Мимо на велосипеде проехал Драган. Он окинул одноклассниц мимолетным, ничего не выражающим взглядом. И все-таки Танья ощутила холодок на кончиках пальцев. Ей показалось, что юноша несколько выделил ее взглядом. Странное чувство. И фея несколько раз тряхнула головой, желая избавиться от ощущения впившегося в ее спину тяжелого взгляда.

- Куда только несет этих девчонок. Потеряются – дороги не найдут, - донеслось до ушей Таньи недовольное ворчание Драгана.

И пусть прозвучало оно вполголоса, юноша наверняка был доволен, когда у без того расстроенной девушки поникли плечи.

Взглянув на подругу, фея не заметила за русалочкой какие-либо признаки того, что до Леси долетели слова одноклассника. Такое ощущение, что ветер услужливо доносил их только до слуха Таньи.

Оказавшись среди хвойных деревьев, она почувствовала себя спокойнее, вся прежняя боль словно осталась за чертой, не допущенная в умиротворенное лесное царство.

- Я иногда скучаю по этому, - вдыхая полной грудью, произнесла Леся.

Танья бросила на нее вопросительный взгляд.

- По этому спокойствию внутри, - пояснила русалочка. – Когда ты там, в водных просторах, отдаешься полностью своей сущности, для тебя не существует мирских тревог. Внутри

такая тишина. И легкость, - в спокойном голосе девушки слышались мечтательность и светлая тоска по дому, по привычному для нее мироощущению.

- А мне казалось, ты уже больше миру Яви принадлежишь, - растеряно призналась Танья.

Русалочка с шумом выдохнула и задумалась.

- Я, если честно, уже и не знаю. Когда я здесь, меня тянет туда. Когда я там, хочу вернуться.

Опустив голову, Леся, воспользовавшись тем, что ее лицо скрылось за занавесом темных волос, решилась на искренность.

- Думаю, я начинаю перенимать человеческий образ жизни, его устои. Порой даже становится интересно, каково это, когда у тебя есть бабушка, - и, вскинув голову, девушка убрала волосы назад. Ее слегка раскосые миндалевидные глаза с веселым блеском глядели на Танью.

- Да, бабушка у меня просто супер! – разделила восторг подруги фея.

- Мне там становится тоскливо без компании, - призналась Леся. – Ты ведь знаешь, что мое рождение – скорее исключение, чем правило. А общество древних дев, пусть они и юны, что телом, что сознанием, все же не то, о котором можно мечтать. Мы с ними как будто даже говорим на разных языках. Я им про плеер, а они мне про гусли с балалайкой, - поморщилась русалочка.

- И все же, с наступлением весны ты особенно нетерпеливо срываешь листы с календаря, - подразнила ее Танья.

Леся улыбнулась одними губами. Чем старше она становилась, тем сильнее разрастался разрыв между ее человеческой сущностью и сущностью русалки.

Нетронутая трава мягко стелилась перед девушками, из невидимых уголков отовсюду звучали трели птиц, среди которых можно было различить ритмичный стук дятла. Прогуливаясь в тени деревьев, с неохотой пропускавших редкие солнечные лучи, подруги брели, куда глаза глядели, отходя все дальше от дома.

- Как ты сейчас? – все же вновь подняла трудную тему Леся.

- Выведи меня из леса и спроси еще раз! – и Танья вдохнула полной грудью свежий, пропитанный хвоей воздух, прикрыв при этом глаза. – Мне больно. И, в какой-то степени обидно. Но я никогда и не надеялась, что Борис посмотрит на меня. Не всерьез. Думаю, я начала прощаться со своей мечтой еще до истории с Забавой. Просто, - и тут ее голос осекся, - было бы проще, будь на ее месте другая, - тише призналась фея. – Ты-то сама что так поникла? Не может быть, чтобы только из-за меня!

- Да, ты права, - помолчав немного, не стала темнить русалочка.

- Из-за Ярослава? – сразу же догадалась Танья. – Ты ему нравишься. Видимо, он тебе тоже.

- Да, нравится, - и на лице школьницы проступила досада. – Просто я не уверена, что хочу давать этому шанс.

- Почему?

- А я не хочу, чтобы мне было больно.

- Но тебе уже больно, - выпалила Танья.

Леся замерла, лишенная дара речи. Она никак не ожидала такой прямоты от феи.

- Как говорит моя бабушка, лучше сделать и пожалеть, чем не сделать вовсе и всю жизнь потом лить слезы.

- Если я полюблю, если позволю полюбить…, - Леся облизала пересохшие губы, - будет намного труднее отпускать.

- Тогда можно и не жить вовсе! – Танья, широко раскинув руки, задела одной из них куст, с коварно припрятанными в листве колючками. – Ой! – девушка с беспокойством принялась осматривать царапину на тыльной стороне ладони.

- Ты неисправимый романтик, знаешь? – с улыбкой поинтересовалась русалочка.

- Да-а, мне говорили, - все еще уделяя внимание царапине, пробормотала Танья.

- Ой, да забудь ты. Ничего серьезного, - хватая подругу за раненую руку, закатила глаза ее спутница.

Обратив внимание на разлившийся по верхушкам деревьев розоватый свет, Танья предположила, что пора бы им возвращаться домой. И, поскольку решение было принято единогласно, девушки двинулись в обратную сторону. Увлеченные разговором школьницы, углубляясь в лес, не особенно стремились оставить для себя какие-то опознавательные знаки, и потому, ища верное направление к дому, полагались только на интуицию. Но, кажется, в этот раз от нее было мало толку. Встречный куст шиповника, покосившаяся сосна, ветхий пень с выглядывавшими мощными корнями не говорили им абсолютным счетом ничего. А тем временем розоватые отблески приняли насыщенно красный оттенок, грозясь вот-вот потускнеть.

- Нам бы взобраться повыше, посмотреть хоть, в какой стороне поселок, - устремляя взгляд наверх, устало произнесла Танья. Ноги у нее уже подкашивались. Хотелось есть, пить, присесть. Еще немного, и девушка готова была впасть в отчаяние. И все это время ее не отпускала мысль, что Драган каким-то образом их сглазил.

- И кто полезет? – деловито осматривая стволы деревьев, поинтересовалась Леся.

- Ну, ты. «Русалка на ветвях сидит» и все такое, - повела рукой фея.

- Но я же не скалолаз, - намекая на приличное расстояние ветвей от земли, заявила русалочка. – Вот если бы ты могла летать, - задумчиво косясь на крылья подруги, негромко произнесла она, потирая подбородок.

- Нет! – спешно выкрикнула Танья. – Нет, нет и нет! – торопливые отрицания готовы были вот-вот перерасти в истерику.

Когда-то давно, в глубоком детстве, фея, как и любой ребенок, хотела научиться летать. И девчонкой Танья даже умудрялась взлетать невысоко. В памяти до сих пор жил восторг от воспоминания, как ноги отрывались от земли. Фея специально подгибала их, и тогда ей представлялось, что она взлетела еще выше. К сожалению, некоторые дети могут быть довольно завистливыми. Однажды они принялись кидать в Танью камнями, желая подбить, словно девочка была каким-то голубем, что, конечно же тоже ужасно. Один камень попал фее в висок, другой прошелся по крылышку. Девочка расплакалась, переживая, что его могли повредить. Среди тех детей был и Драган. Танья ни сейчас, ни тогда не могла сказать точно, кем именно был оставлен легкий, полупрозрачный шрам. Он даже не извинился, словно так и надо. Напротив, с того дня вел себя, словно это Танья нанесла ему непоправимую обиду. Ни разу не удостоил Драган девушку добрым словом, одаривая ее лишь колкими фразами да ядовитым взглядом.

В тот кошмарный день на помощь маленькой фее пришли ее подруги, отогнав пришедших в какое-то дикое безумие детей. А Клавдии Ягиничны так сглазила задир, что после месяц в их семьях бушевали эпидемии вшей и всех разновидностей гриппа. Ноябрина Ягинична порывалась было вообще их проклясть, чтоб со свету жить. Но тогда ее саму за такое наверняка бы лишили колдовского дара. На самом деле, даже в отношении самой древней колдуньи могло быть возбуждено дело, поскольку посредством своего дара она нанесла вред здоровью простых граждан. Но председатель поселка, в обязанности которого входил надзор за соблюдением особого договора между простыми людьми и сказочными созданиями, в тот раз, прекрасно осознавая ситуацию, закрыл глаза на эту вольность со стороны разъяренной бабушки.

С тех пор Танью только дразнили, побаиваясь решиться на нечто большее. Но травма у ребенка осталась. И с тех пор фея больше не раскрывала свои крылья.

- Н-нет, - обливаясь холодным потом, тряслась девушка.

- Танья, - словно разговаривая с маленьким ребенком, мягко начала Леся, - мы ведь по-другому не сможем выбраться из леса, понимаешь?

- Не получится! – мотала головой фея. – Я их даже не раскрывала ни разу с тех пор. Они, наверное, уже атрофировались.

Школьница боялась даже ощутить их трепыхание.

- Танья! Ну, послушай, мы же на ночь тут остаться можем, хочешь? – нарочно припугнула подругу русалочка.

Бросив затравленный взгляд на Лесю, фея, потоптавшись, отошла на некоторое расстояние и попыталась сосредоточиться. Закрыв глаза, она сделала глубокий вдох и судорожно выдохнула. Кончики пальцев неприятно покалывало, внутри все натянулось, словно струна, а тело пробила нервная дрожь. Танья боялась. К своему удивлению и ужасу, боялась не самого полета, а того, что удар, пришедшийся в свое время по крылу, травмировал его.

- Подумай о чем-нибудь приятном, расслабься, - подсказала Леся.

Фея попыталась представить, что она находится дома, в тепле, завернувшись в плюшевый плед, смотрит любимый фильм «Служебный роман» или «Мымра», как она его называла в детстве, вызывая веселую улыбу на лице бабушки. Вспомнились забавные фразы про не задвигаемую Шурочку, про пони, с которым отдыхал Новосельцев. Все это должно было окунуть девушку в состояние безопасности и комфорта.

Дыхание ее выровнялось. Спасибо Эльдару Рязанову. Крылышки, нерешительно дрогнули, медленно вытянулись и раскрылись. Танья с шумом выдохнула.

- Ну! – еле слышно прошептала Леся самой себе, с надеждой следя за потугами подруги.

Вздрогнуло одно крыло, затем второе, случилось вялое движение. Постепенно, словно обретя уверенность, они задвигались синхронно, а не как до этого, вразнобой. Их взмахи участились, приобрели резкость, упругость, силу. И вот наконец-то потянули Танью вверх. За спину. Как если бы ее, как котенка, подцепили за шкирку. Ноги с трудом, но оторвались от земли. Сначала пятка, затем кончики пальцев.

Все это время школьница жмурилась, боясь потерять концентрацию.

- Я уже высоко взлетела? – прокричала она Лесе.

- Ну, как тебе сказать, - сложила руки на груди русалочка, поморщившись от громкого голоса, что раздался буквально над ухом, и критичным взглядом оглядывала подругу. – Постарайся подняться еще повыше.

- Так? – через некоторое время опять крикнула фея.

- Танья, прекрати орать. Я тебя и так прекрасно слышу, - строго одернула ее Леся.

- Я боюсь, - честно призналась Танья упавшим голосом.

Несмотря на волнение, ей все-таки удалось взлететь выше, но фея чувствовала, что ее предел близок. Сказывались отсутствие тренировок и непривычная для ее крыльев нагрузка.

- Постарайся взлететь еще выше и открой глаза. А то как ты собралась наш дом выглядывать? – деловито осведомилась она.

Кивнув, Танья сжала губы и сделала последний рывок, потратив на него все силы. Но, увы, поднялась только на полметра. Распахнув глаза, фея попыталась хоть что-нибудь разглядеть через плотные ряды деревьев.

- Ничего не видно! – сообщила она Лесе и инстинктивно глянула вниз.

Тут же у нее отказало одно крыло. Второе, отчаянно затрепетав, пару секунд продержало девушку над землей, после чего безвольно опустилось. Фея камнем полетела вниз, зацепив при падении подругу. Последняя громко вскрикнула и зашипела от боли.

- Лесенька, извини меня, пожалуйста! – тут же виновато залепетала Танья, слезая с одноклассницы. – Что болит? Перелом? Сильно больно?

- Не знаю, - прокряхтела русалочка, морщась.

Сделав усилие, Леся попыталась встать и тут же жалобно заскулила. Правую ногу пронзила острая боль. В уголках глаз русалочки выступили предательские слезы.

- Прости, прости, прости, - виновато заламывая руки, не унималась Танья. – Что теперь делать? – судорожно оглядываясь, вопрошала она. Но ответа не получила.

- Идти, что же еще, - пробурчала Леся.

- А как… ты же… нога? – замямлила фея, вытаращив глаза.
- Дай я на тебя обопрусь, - пропыхтела школьница, прыгая на одной ноге к подруге.
- Да-да, конечно! – залепетала та, подставляя плечо.

Глава восьмая.

Над лесом сгущались сумерки, порождая пугающие тени. В воздухе расползался могильный холод, сообщавший о переходе власти в руки Нави. Не слышалось больше веселящего душу пения птиц, только глухое уханье совы, от которого кровь стыла в жилах.

- Есть хочется, - ныла Танья. – Я устала.

И в лучшие времена фея не отличалась физической выносливостью, а сейчас и вовсе была еле жива, удерживая хромую подругу.

- И дома нас убьют, - все сокрушалась она.

- Нам сейчас главное выбраться. А там пусть хоть убивают, - не теряла стойкости Леся.

Но страшная правда была в том, что девушки и сами уже не знали, куда они бредут. Деревья давно уже слились единой стеной. Порой подруги ловили себя на мысли, что ходят кругами. Еще немного, и Танья, позволив отчаянию завладеть собой, свалится от бессилия. И только Леся, упрямо кусая губы, вглядывалась в полумрак в поиске подсказок.

- Ба-а, вот и они! – раздалось у девушек за спинами.

Те медленно обернулись. Казалось, на это простое движение ушли все их последние силы. Ноги у Таньи тряслись, вот-вот подогнутся.

- Бабушка! – с облегчением выдохнула фея.

- Ярослав? – недоуменно воззрилась на парня Леся.

Юноша, лукаво улыбаясь, держался несколько поодаль от внушительной фигуры Клавдии Ягиничны. Женщина, уперев кулаки в бока, недовольно оглядывала школьниц, сжав губы в тонкую линию.

- Ушли, не сказали ничего! Это ж как так можно? Волновать мать, меня, больную женщину! – кинулась та в причитания. - Я из-за вас «Жди меня» пропустила! Ищу, ищу. Хорошо вот, Ярослав вызвался помочь пожилой женщине! – не унималась Клавдия Ягинична. – И как вы только умудрились в лесу-то потеряться?

- Да мы просто шли…, - промямлила фея, пристыжено опустив глаза.

- Э-эх! – укоризненно покачала головой женщина. – Нечего с опушки тогда уходить, раз с Лешим не знаете, как общаться! Ладно Танья, - размашисто махнула рукой древняя колдунья, - но ты, Леся, неужто русалка не может сладить с хозяином леса?

- Понимаете, - вкрадчиво начала Леся и, переведя дух, продолжила, - мы все-таки существа водные, с лесными жителями несильно знакомы. Вот Кикимора - другое дело, - более бойко закончила она.

- Понятно усе с вами, - махнула рукой старушка. – А ты чего? – неизвестно к кому вдруг обратилась Клавдия Ягинична. – Не видишь, шо ли, чьи будут перед тобой? Дятел последние мозги выбил?

И тут неизвестно откуда перед ними выскочил плотного телосложения мужичок. Из его спутанных темных волос во все стороны торчали тонкие веточки, свалявшиеся листья. Разного размера глаза смотрели с лукавством и в то же время так проницательно, словно знали все мудрости этого мира. На длинном сучковатом носу проступил вместо бородавки мухомор. Да и одет был мужичок в потрепанные, видавшие виды, потускневшие рубаху без пояса и штаны. Заместо ниток из нее торчала паутина. И только лапти, крепкие на вид, сверкали желтоватой чистотой. Да только обуты были не на те ноги.

- Не серчай, Купавушка, не признал, - мягким, скрипучим голосом, каялся Леший. – Вот тебе за мой проступок лукошко грибов съедобных, - только мужичок вытянул руку, как из пустоты на траве тут же оказалась огромная плетенная корзина, наполненная до самого верху различными грибами.

Клавдия Ягинична, подойдя к корзине, стала пристально, со знанием дела, оглядывать содержимое.

- Так, лисички вижу, дуньки, сыроежки, подберезовик, - бормотала она себе под нос. – Так, а белые хде? – начала возмущаться женщина.

- Не серчай, Купавушка, да только в этом году мне их самому мало, - оправдывался Леший.

- Ты мне это, зубы не заговаривай! Девок мне чуть не угробил и белый гриб зажал! – Клавдия Ягинична была непреклонна. Сурово возвышаясь над мужичком, она вперила в него недобрый взгляд, ритмично постукивая ногой.

- Не будем ссориться, Купавушка, - примирительно проскрипел Леший, при этом так сжался, так скукожился, сдувшись под натиском бывалой колдуньи.

И вот в корзине появились крупные, белые грибы. Лицо женщины сразу посветлело, сердито сжатые губы расправились в довольной улыбке.

- Вот спасибо, угодил старой подруге, - положив руки на грудь, довольно закачала головой Клавдия Ягинична.

- Да какая ты старая! – встрепенулся Леший, ровняясь рядом с колдуньей. – Ты, вы в самом расцвете лет и красоты! – подобострастно заглядывая женщине в лицо, вымолвил мужичок.

Клавдия Ягинична польщено зарделась, глаза ее засверкали, выдавая теплившийся еще молодецкий огонь в пороховницах.

Наблюдавшие за этой сценой ребята еле сдерживались, чтобы не взорваться смехом. И только страх и уважение, но все же больше страх, удерживали их от этого опрометчивого шага. Но, когда Леший на прощание поцеловал руку помолодевшей на глазах колдунье, тут уж никакой страх не смог сдержать прысканье и фырчанье, которые дети изо всех сил удерживали ладонями.

Женщина, театрально поведя головой, сделала вид, что не замечает хихиканья подростков. Распрощавшись с Лешим, Клавдия Ягинична как по щелчку вернулась в свое привычное состояние. Деловито уперев руки в бока, она принялась командовать.

- Значит так, ты, Танья, корзинку в руки и вперед, а ты, Леся, забирайся Ярославу на спину, - объявила женщина и двинулась в сторону дома.

- Но это неудобно как-то, - замялась девушка, нерешительно поглядывая на юношу.

Того наказ Клавдии Ягиничны вообще никак не смутил. Без лишних слов Ярослав подошел к русалке и опустился перед ней, чтобы ей проще было взобраться к нему на спину.

- Неудобно в лесу в моем возрасте ночевать, - обернувшись, бросила резвая старушка. – Усе, не дури, - и, косолапя, пошла дальше.

Леся, замявшись, все-таки обвила руками шею богатыря, позволив поднять себя. Стыдно было признать, но сердце русалочки дрогнуло от подобной близости. Исходивший от одноклассника аромат стирального порошка напоминал детство, и побуждал девушку лишь сильнее прильнуть к богатырю. На душе было так спокойно.

Озорная улыбка подруги, что буквально неоновой вывеской готова была обнажить чувства русалочки к богатырю, пробудила Лесю ото сна. Девушка одарила фею хмурым взглядом, желая одного, чтобы Танья потеряла к ней всякий интерес. Словно прочитав мысли подруги, фея, с усилием подняв корзину, поплелась за Клавдией Ягиничной.

- Сильно нога болит? – поинтересовался Ярослав.

Голос его, обычно громкий, с хулиганистыми нотками, звучал непривычно приглушенно.

- Да нет, - в тон ему ответила Леся.

- И как это ты умудрилась? – продолжил разговор юноша.

- На меня Танья упала.

- С разбега, что ли? – усмехнулся он.

Подавив невольно всплывшую смущенную улыбку, Леся принялась рассказывать об их лесных приключениях.

Тем временем, нагнав бабушку, Танья принялась за допрос.

- Бабуль, а почему Леший тебя Купавой назвал?

- Потому что зовут меня так, - просто ответила женщина.

- А-а…? – не найдя, что сказать, выдавила фея.

- Ну, вот так, - поджала губы Клавдия Ягинична. – Пришло христианство, как стали всех называть заморскими именами, так и усе. Прежние же все больше в прошлое уходить стали. Вот я и взяла, как это сейчас говорят, творческий псевдоним.

- Зачем? – допытывалась Танья.

- А шо б спокойно среди людей жить. Нельзя было, шо б догадались о даре моем. Тогда многие ушли в тень. И столько знаний, увы, было потеряно, - из колдуньи вырвалось, наполненное горем, судорожное дыхание. Поднятая тема пробуждала невеселые, тяжелые воспоминания о непростом для женщины времени. - Мамка моя к тому времени уже померла, все-таки она была очень древней колдуньей, - голос у бабушки дрогнул. – Еще богов девочкой видела. И вот осталась я одна. Потом, конечно, много с кем подружилась. Да и родня у меня, хоть и далекая, но всегда со мной связь поддерживала.

Танья умолкла. Пусть их разговор и отошел от довольно болезненной для Клавдии Ягиничны темы, а все же тень его неизменно следовала за ними, приклеившись, точно банный лист.

- А из наших ты кого-то знала прежде? – поинтересовалась девушка.

В одно время ей казалось, что она уже наизусть выучила все бабушкины истории, а потом выяснялось, что фея и половины не знает. Такая долгая и интересная жизнь была у древней колдуньи.

- А как же! Вот Лукерью Новгородскую. Давняя моя знакомая. Как и я в прошлом имя-то она сменила. По правде-то звать ее Сбыславой. Только мне одной ее настоящее имя и ведомо.

- Хочешь сказать, она такая же старая, как и ты? – с сомнением покосилась на бабушку девушка.

- А что? Твоя бабушка старая? Плохо выгляжу? Твоя бабушка, между прочим, рожала. А Лукерья все в девках бегает. Ждет не дождется суженого-ряженого. Кого ждет? Не иначе, как принца заморского! Так и помрет, а любви не познает, - разошедшаяся было старушка под конец успокоилась. – Родню Любавы я очень хорошо знавала, - немного погодя, продолжила она. – Еще ее прапрабабку с мужем знала.

- А так разве можно? У нас в поселке ни у кого из колдуний мужа нет, - замотала головой Танья.

- Можно. Да только никому это не надо. А прапрабабка Любавы та еще была. Тщеславие свое потешить хотела. Да чтоб, на кого дите оставить, - быстро заговорила древняя колдунья, явно недолюбливая подругу прошлых лет, которой давно уже и на свете этом не было.

Выйдя из леса, странная на вид компания во главе с Клавдией Ягиничной встретилась со скромной музыкой поселка: это и отдалённая музыка из граммофона, и любовные крики супружеской пары, и протестный плач детей, не желающих ложиться спать. Во всем этом была чья-то жизнь.

- Спасибо тебе, Ярослав, - сердечно поблагодарила его Клавдия Ягинична, когда они подошли к калитке. – Передавай своим бабушкам привет от меня.

- Да не за что, - опуская русалочку на землю, произнес юноша. – Обязательно передам! – выпрямившись, кивнул он.

- Ой, вы поглядите на него, сама учтивость, - притворно строго проворчала женщина. – Знаю я, что ты шалопай. За то и люблю!

И тут, словно сбросив маску, Ярослав улыбнулся своей самой хулиганистой улыбкой. Задорный пыл, с трудом сдерживаемый мальчишкой, проступил со всей силы. Шаловливо подмигнув, богатырь, засунув руки в карманы синих джинсов, резко крутанулся на пятках и, залихватски высвистывая какую-то мелодию, направился вдоль по дороге.

Глава девятая

- Так, девки, вы это, не выглядите больно довольными, - посоветовала им Клавдия Ягинична, перед тем как они переступили порог дома, над которым красовался пожелтевший и потускневший от времени конский череп. Некогда гладкий, теперь его поверхность покрывала паутина тонких трещин.

По детству Танья ужасно пугалась мертвого оскала этого древнего черепа, пока бабушка не объяснила, что он их оберегает от недоброго. С того дня фея начала иначе смотреть на этот массивный оберег, даже порой здоровалась и прощалась с ним.

Вот и сейчас, невольно взглянув на него, девушка столкнулась с пустыми глазницами, которые смотрели на провинившихся подруг со всем свойственным коню неодобрением. Понурив голову, фея закрыла за собой дверь.

- А-а! – уже грозно раздавалось из кухни, откуда, тяжело ступая, вышла Ноябрина Ягинична. – Гулены! Ушли, никому ничего не сказали! Я почему должна позориться и искать вас по всем соседям?

- Да тьфу на тебя, не искали мы их по соседям, - опровергла ее слова Клавдия Ягинична. – Хорошо, Драган, вон, видел их, рассказал.

- Драган? – нахмурившись, повторила Леся.

- Точно! Он же проезжал на велосипеде, когда мы в лес заходили! – громко зашептала Танья, повернувшись к подруге.

- Не важно! – не унималась Ноябрина Ягинична. – Матери, в кои-то веки, дали отгул! Думала, с…

- О-о! Ругают не меня! – перебила неизвестно откуда взявшаяся Верея.

Сцепив руки за спиной, девчонка стреляла своими хитрыми глазками и даже не пыталась сдержать довольную улыбку.

- Брысь отсюдова! Сейчас и тебе влетит! – праведного гнева матери хватало на всех.

- За что? – округлила свои глаза девчушка.

- А что? Хочешь сказать, не за что? – уперев руки в бока, прищурилась женщина.

Прикинув что-то в голове, Верея спешно ретировалась наверх.

- Еще одна, пигалица! – проводив дочь взглядом, покачала головой Ноябрина Ягинична. – На чем я остановилась?

- Да хватит девок морозить! – вмешалась бабушка, которая сама ужасно устала. – Они уже наказанные! Будут мне грибы помогать чистить, - с этими словами Клавдия Ягинична направилась на кухню.

- Пусть поедят сначала, а то ж не ели ничего! – и Ноябрина Ягинична направилась вместе со всеми на кухню. – Леся, а чего ты хромаешь?

Накормив нерадивых путешественниц, Ноябрина Ягинична взялась за ушибленную ногу Леси. К слову сказать, женщина была довольно талантливой целительницей и знахаркой, хорошо разбиралась в лекарственных растениях, да и в недугах людей, в том числе и душевных. Вот только последнее лечить не бралась, считая это слишком тонким ремеслом. В отличие от своей матери. Клавдию Ягиничну хлебом не корми, дай в душе покопаться.

- Как умудрилась-то? – закончив, вытирая рук, поинтересовалась Ноябрина Ягинична.

Леся бросила быстрый взгляд на подругу, спрашивая разрешения рассказать. У Таньи обычно не было секретов от родных. Потому, кивнула, давая свое разрешение.

Новость о том, что Танья вновь пробовала летать, привела бабушку в восторг. Обожая небо, Клавдия Ягинична на дальние расстояния передвигалась исключительно в ступе. Поэтому в близлежащих населенных пунктах, куда древняя колдунья порой залетала, специально придумали правила дорожного движения для столь специфичного транспорта. И,

конечно же, старушка тут же начала планировать, как они с внучкой полетят туда-то за тем-то, потому что годы у нее уже не те, и требуется помощница.

- Мама, успокойтесь! Ребенок только учиться начал! – осаживала ее Ноябрина Ягинична. – Запугаете мне девчонку! Она опять летать перестанет!

- Ой, прям запуганные все какие! – защищалась Клавдия Ягинична. – Но ты, дочка, молодец! – ласково похлопав внучку по руке, улыбнулась женщина сияющими глазами.

На лице Таньи в ответ проступила скромная улыбка.

- Поели, попили, а теперь за работу! – шустро скомандовала Клавдия Ягинична, хлопнув в ладоши.

Приятный оранжевый свет старомодной люстры советского образца мягко разлился по кухне. Не играло радио, встроенное в стену. Не ходила на голове Верея. Не вспыхивал рябой картинкой экран телевизора, ровесника Таньи и Леси. Не доносился шум с улицы. Повсюду царила та особая, вечерняя, неспешная тишина, так характерная для домашних посиделок на кухне. Она не нарушается даже разговором, который сам словно становится частью всеобщего умиротворения. Сквозит в каждой паузе, в каждом дыхании.

- Ну, и что там у вас случилось? – деловито поправляя халат, спросила мама Таньи.

- Да это… Борис, в общем. Ему Забава нравится, - покусывая губы, сообщила фея.

- Вот те раз! – ахнула бабушка. – А давеча тебя провожал!

- Мама, успокойтесь! – зыркнула на нее Ноябрина Ягинична. – Погоди, это когда тебя Боря провожал?

- Да это случайно вышло! – вот как с первой минуты той злосчастной прогулки Танья пожалела о ней, так это сожаление и продолжалось.

- Допустим, - не до конца веря дочери, произнесла женщина. – А Забаве, стало быть, ты так и не рассказала?

- Нет, - слабым голосом подтвердила фея.

- Что тогда губы кусать, - вздохнула Ноябрина Ягинична.

Клавдия Ягинична украдкой оглядела присутствующих. От ее проницательного взгляда не укрылись подернутые словно пеленой глаза русалочки, обращенные к внутренним переживаниям, игнорируя разворачивающуюся беседу во внешнем мире.

- Надо было тебе все-таки Забаве рассказать, - произнесла Ноябрина Ягинична. – Она девка грамотная в этих вопросах. Глядишь, что путного и подсказала б.

- Знаем мы, в чем она грамотная, - пробурчала бабушка. – Лучше бы она в колдовских премудростях была грамотная!

- Она гадать начала, - вступилась за подругу фея.

- А шо так рано? Шо не на пенсии? – не унималась Клавдия Ягинична. – Ладно, - встретившись с недовольным взглядом внучки, она смягчилась, - молодец, что начала. Как говорится, учиться никогда не поздно. Даже на пенсии, - не удержавшись, добавила она.

- Бабушка! – возмущенно воскликнула Танья.

- Да я молчу, - отозвалась старая колдунья.

Тут Ноябрина Ягинична замерла, прислушавшись. Остальные тоже притихли, с любопытством переглядываясь. Женщина вытянула шею, выглядывая из кухни. Ее длинный нос слегка подергивался, принюхиваясь.

- Та-ак! – грозно сложа руки на груди, протянула она. – Верея, а я не поняла, а что это мы уши греем?

- Как ты меня заметила? – показываясь в дверном проеме, вопрошала девчушка, не испытывая ни малейшего при этом стеснения. Скорее досаду, что ее обнаружили.

- Так духом твоим за километр несет. Опять сегодня с отварами баловалась? – сердито сверкала глазами Ноябрина Ягинична. – Ой, смотри, - погрозила она пальцем, - как спалишь

себе волосы или нос усеешь бородавками! Будешь знать! Иди спать! – отослала ее женщина. – Мала ты еще такие разговоры слушать!

Младшая колдунья только закатила глаза и, демонстративно развернувшись, направилась наверх.

Бабушка не вмешивалась в разбирательства дочери и внучки, только сердито качала головой на протяжении всей этой сцены.

- Пигалица, а все туда же! – устало высказалась Ноябрина Ягинична.

- Помяни мое слово, хлебнем мы еще с ней! – прокряхтела Клавдия Ягинична.

- Представляешь, - словно позабыв о Танье с Лесей, заговорщицки понизив голос, начала Ноябрина Ягинична, - она тут заявила Глебу, что вырастет и замуж за него пойдет, представляешь?!

- Да ты шо? – ахнула бабушка, хватаясь за сердце. – А ты откудова знаешь?

- Так Тоська, мать его, и рассказала. Верея ж с ее младшим сыном в одном классе, дружат. Ну, вот была она у них в гостях и выдала такое, - особенно выразительно выделив последние слова, окончила Ноябрина Ягинична.

- За Глеба? – Танья даже не знала, чему отдать предпочтение: изумлению, насмешке или ужасу. В итоге губы девушки расцвели улыбкой, брови нахмурились, а глаза при этом выпучились.

- Точно, это ж одноклассник твой! – вспомнила мама девочек.

- И шо, хороший мальчик? – поинтересовалась бабушка.

- Мама! Успокойтесь! – осадила ее Ноябрина Ягинична.

Так за разговорами девочки и сами не заметили, как управились с корзиной грибов. Они ужасно устали, хотелось спать. Подруги уже было поднялись, когда неожиданные слова бабушки опустили их, изможденных, обратно на стулья.

- Их еще несколько раз отварить надо. А потом на суп часть поставить, часть заморозить, а другие пожарить с картошечкой, - заметив побледневшие лица школьниц, Клавдия Ягинична рассмеялась.

- Что вы так детей пугаете? – вступилась за подруг Ноябрина Ягинична, поднимаясь со своего места. – Идите спать, - отправила она девочек.

Им по сто раз повторять было не нужно. Пользуясь вольной, подруги стремительно бросились в свою комнату. Ноябрина Ягинична проводила девчонок насмешливым взглядом.

- И ты тоже иди! – махнула ей рукой Клавдия Ягинична.

- А ты что это удумала? – прищурилась ее дочь и сложила руки на груди. – Опять с Кузьмой будете всю ночь работать? – последнее слово женщина особо выделила.

- Не, а шо ты предлагаешь? Грибы ж так испортются! – делая вид, что не понимает красноречивого намека дочери, заболтала пожилая колдунья.

- Ну, смотри мне! – погрозила пальцем матери Ноябрина Ягинична.

Та только отмахнулась от дочери.

Когда на кухне никого не осталось, Клавдия Ягинична обстоятельно осмотрела грибы и, раскачиваясь, подошла к белой печи, примостившейся в углу кухни. Сняв заслонку, она прокричала в показавшийся проем:

- Кузьма, подь сюды! – и женщина в ожидании заглянула в печь.

- Добрый вечер, хозяйка! – глухо отозвался невысокого росточку, лохматый, весь в саже, со спутанной бородой, мужичок в красном в белый горошек кафтане, шерстяной вязаной жилетке, синих штанах и добротных лаптях.

- Ой! – испугавшись, подпрыгнула Клавдия Ягинична, благо голову она успела вытащить из печи, и, обернувшись, схватилась за сердце. – Сдурел! Совсем меня изжить хочешь!

- Да что ты! – виновато замахал руками мужичок. – Столько лет живем, а ты никак не привыкнешь, - примирительно заулыбался он.

- Значит так, грибы видишь, - быстро пришла в себя бабушка.

- Ну так, - улыбаясь, кивнул домовой.

- Вот давай за работу с тобой сядем, подсобишь мне! – направляясь к столу, объявила Клавдия Ягинична.

Домовой с готовностью сел рядом с женщиной, но, прежде, чем он начал, пожилая колдунья извлекла из буфета две рюмочки и наполнила их домашней рябиновой настойкой.

- Ну, шо, Кузьма! Шо б работа спорилась! – взяла она свою рюмочку.

- За тебя, хозяюшка! – вкрадчиво отозвался мужичок.

Уже лежа в постели, Танья никак не могла перестать ворочаться. Ее все не отпускали мысли о том, что бы было, умей она летать. Выбрались бы они раньше из леса, вместо того, чтобы до самых сумерек бродить между деревьев? Скорее всего. Чувство досады от собственной бесполезности, сожаления не давали фее покоя, мучая жестокими думами. В конце концов, ей пришлось признать, глядя неприятной правде в лицо, что тогда, много лет назад, проявила слабость, трусость, пойдя на поводу не только у собственного страха, но и агрессивных обидчиков. Из-за каких-то глупых людей добровольно обрекла себя на жизнь без полета. Отреклась от своей сущности. Но, к счастью, Танья осознала это не на смертном одре. А, значит, в ее силах все исправить.

Выдыхая, фея отпустила все тревоги и с уверенностью, что у нее все получится, погрузилась в сон.

Глава десятая.

Танья с Лесей решили пораньше выйти из дома, чтобы не спеша доковылять до школы. Нога у русалочки еще ныла, но опухлость спала. Какого же было удивление школьниц, когда перед ними предстал Ярослав с велосипедом наготове.

Видимо, юноша уже какое-то время ожидал одноклассниц, и, чтобы как-то себя развлечь, набивал ногой попрыгунчик. Заметив девчонок, он убрал игрушку и размашисто помахал им рукой в знак приветствия.

Подруги так и замерли на крыльце. Первой взяла себя в руки Леся. Напустив на себя безразличный вид, девушка аккуратно спустилась по ступенькам и, стараясь ступать легко и непринужденно, что давалось русалочке нелегко: первое – из-за ушибленной ноги, второе - по причине некоторой неловкости перед юношей, - прошла по проходной дорожке, по бокам от которой печально взирали на происходящее увядающие цветы, и отворив калитку, хотела было похромать в сторону школы. Но ее планы были наглым образом нарушены Ярославом. Мягко перехватив Лесю, юноша удержал ее за руку. Девушка замялась и подняла на одноклассника серьезный взгляд своих болотно-серых глаз. Богатырь тут же отпустил девушку и, не зная, что делать с освободившейся рукой, неловко почесал затылок. В этот момент к ним подбежала Танья, несколько позже пришедшая в себя.

- Привет, Ярослав! – обнажив свои зубы в улыбке, поздоровалась она, украдкой дернув подругу за край рукава.

- Привет! – с облегчением улыбнулся тот, находя в непринужденном поведении феи силы для дальнейшего исполнения своего плана. – А вы чего так рано вышли?

- Так у Леси же нога, - указывая на подругу, объяснила Танья.

- Сильно болит? – сочувственно спросил Ярослав.

Леся, готовясь ответить, случайно взглянула в его светло-карие, с медным отливом, глаза и, казалось, позабыла, как дышать. В них было столько нежности и ласки, а из глубины мерцали озорные искорки, безжалостно дразня расчувствовавшуюся русалочку.

- Да, еще побаливает, - быстро опуская взгляд, призналась Леся.

- А я как раз хотел тебя подвезти! – заявил Ярослав. – Садись на багажник!

И, прежде, чем русалочка принялась бы отпираться, Танья шустро вклинилась в разговор:

- Поезжай, Леська! – подбодрила она подругу и, обращаясь к юноше, принялась сумбурно пояснять, - у нас и без того сегодня физкультура! Это ж мне ее тащить! А Леся тяжелая! Ой, то есть, - поняв, что сморозила, тут же попыталась исправиться фея, - тебе-то она, конечно, не будет тяжелой! – тут уж и Леся покраснела, то ли от стыда, то ли от смущения, то ли от гнева. И Танья даже не знала, какой вариант хуже. Глянув на Ярослава, она с ужасом заметила, что юноша в шаге от того, чтобы разразиться хохотом.

Одноклассник, жалея девушку, сдерживался, как мог, но его пунцовые щеки говорили о том, что, если фея и может как-то выпутаться, ей стоит это сделать незамедлительно. Набрав в легкие побольше воздуха, Танья выдала, - У нас же физкультура сегодня, - вернулась она к спасательному аргументу, - А я же по ней полный ноль! И мне бы хотелось хотя бы круг сегодня осилить. А, если я Леську буду тащить, то я упаду сразу же после команды старт!

Лицо русалочки постепенно приняло привычный бледный оттенок. Укоризненно покачав головой, Леся все-таки улыбнулась, хотя очень старалась держать суровое выражение лица для излишне инициативной подруги. Ярослав, воспользовавшись этим предлогом, тут же прыснул от смеха, прекрасно помня обо всех спортивных казусах одноклассницы. Уже и не сосчитать, сколько раз прилетало ему от нее мячом.

- Поехали! – плюнув на все, решилась Леся, пока ситуация из просто неловкой не превратилась в катастрофическую.

- Пока, Танья! – Ярослав махнул девушке на прощанье. – Увидимся в школе!

Фея с готовностью замахала в ответ, улыбаясь так широко, что аж скулы сводило. Русалочка тоже слабо махнула подруге прежде, чем вцепиться в рубашку юноши, который, словно бы нарочно как можно быстрее закрутил педалями.

Танья мечтательно смотрела им вслед.

Тут за ее спиной раздался громкий, раскатистый смех. Девушка дернулась от неожиданности и обернулась. Согнувшись пополам, Верея сотрясалась от смеха, при этом ее непослушные волосы колыхались, следуя движению тела.

- Уф, чуть живот не лопнул! – наконец, выпрямившись, выдавила девчушка. В уголках ее глаз скопились мелкие слезинки, спутницы неуемного веселья.

Танья по-сестрински ласково потрепала сестру по голове и мягко произнесла:

- Смейся, смейся! Но у тебя тоже впереди будут глупости.

Маленькая колдунья упрямо насупила носик и скинула ее руку с головы.

- Ничего не будет! Я вот знаю, чего хочу. И так глупить не буду! – недовольно заявила девочка и в сердцах топнула ножкой.

Фея только закатила глаза на этот выпад. Она не стала упоминать о вечернем разговоре, в котором мама выдала с потрохами сердечные тайны младшей дочери.

- Пошли в школу, - Танья хотела приобнять Верею, но та, вывернувшись, отпрыгнула от сестры и юркнула за калитку.

- Я со Златой и Ромой в школу пойду, старая кошелка! – крикнула на прощанье девчушка.

Танья, вдохнув пропахший осенью воздух, неспешно направилась в школу.

Под ботинками приятно шуршал песок проселочной дороги, местами поросшей травой. По небу плыли пузатые ленивые облака-бегемоты. Птицы допевали в память о лете свои беззаботные трели. Фея на пару секунд прикрыла глаза и обратила к небу лицо. Солнечные лучи тут же любовно обласкали его. И девушке представилось, что, стоит ей открыть глаза, а перед ней опять лето, и никакой школы.

- Эй! – окликнул Танью громкий, звонкий голос.

Люся подскочила к подруге и заглянула то за спину.

- А куда ты Лесю дела?

- Ее Ярослав на велосипеде до школы повез! – доверительно приглушенным голосом сообщила фея.

- Да иди ты! – у девушки от восторга отпала челюсть. – Во дела! Это он ни с того ни с сего? Настоящий пацан, уважаю! – восхищалась дочь богатыря.

Танья коротко рассмеялась и поведала об их вчерашних приключениях. Люся не умела слушать внимательно, то и дело перебивала, уточняла, путалась. Юная рассказчица уже порядком устала возвращаться по несколько раз к одному и тому же моменту. Хотя, быть может, в этом девушка сама была виновата, поскольку не умела рассказывать по существу, вечно делая вставки касательно окружающей обстановки, своих мыслей и нечетко формулировала предложения. В общем, девчонки, как говорится, нашли друг друга.

- И ты прямо на нее упала?! – подпрыгнула Люся, изображая неудавшийся полет подруги. – Так ты теперь летаешь?! – тут же перескочила она на другую мысль.

Только Танья открыла рот, как их перебила Лукерья Новгородская, импозантного вида женщина в полном рассвете своих лет. Ее раскосые кари-зеленые глаза всегда источали такую уверенность в себе, в своей неотразимости, что окружающим колдунья действительно казалась если не красавицей, то невероятно эффектной и привлекательной женщиной. Тонкие губы частенько складывались в кокетливую улыбку. Золотисто-каштановые волосы были по-мод-

ному закручены на бигуди и убраны в пышную прическу. Слегка завитая прямая челка прикрывала лоб.

Женщина всячески подчеркивала все свои достоинства макияжем и с иголочки, выглаженной одеждой, которую составляли неизменно юбки, блузки или платья. Один лишь недостаток был у Лукерьи Новгородской: жила она по приметам да пословицам. Сама-то новгородская колдунья беды никакой в этом не видела, да только невозможно хозяйство в порядке держать, когда огородную деятельность не по погоде планируешь, а по народным преданиям.

- Добрый день, девушки! – бодро поздоровалась Лукерья Новгородская со школьницами. – А где ж Олесю потеряли? Не поссорились ли часом?

- Нет, что вы! – горячо протестовала Люся.

- Здравствуйте, Лукерья, - поздоровалась с женщиной Танья. – Да она ногу вчера ушибла, вот ее Ярослав до школы на велосипеде и взялся подвезти.

- Похвально, похвально! – все так же живо отозвалась новгородская колдунья. У девочек вообще ее манера общения напоминала спортивный счет: раз-раз, раз-два-три. Настолько динамично и собранно она звучала. – Ушиб, говоришь? – задумалась женщина. – Видимо, она вчера встала не с той ноги!

- Не могу сказать, - смешалась Танья, которая и на свои-то ноги внимания не обращала, не то что на чужие.

- Ну, значит, локоть чесался! – не сдавалась Лукерья. – Это все приметы! Народная мудрость! Обо всем нас предупреждает! Нам только прислушиваться остается!

- Да уж, - протянула Люся, а в голосе так и слышался неприкрытый сарказм.

Но женщина даже бровью не повела и со свойственной только ей пружинной походкой продолжала движение.

- А вы куда направляетесь? – чтобы как-то смягчить выпад подруги, поинтересовалась Танья.

- Я на остановку, девочки! – живо ответила Лукерья. – Надо бы посмотреть, что в мире делается!

Впереди как раз замаячила развилка, которая должна была разделить невольных спутниц по разным маршрутам. Автобусы ходили не так часто и только по расписанию, но за неимением транспорта для многих это был единственный способ выехать за пределы поселка.

- Ну, до свидания, девочки! – попрощалась с ними новгородская колдунья. – И смотрите, воробьи на дороге в пыли разыгрались – быть дождю!

- Какому дождю? Солнечно же! И не единой тучки! – начала расходиться Люся, разведя руками.

- До свидания! – вежливо улыбнувшись, крикнула вслед женщине фея.

Как только Лукерья Новгородская пропала из виду, Танья тут же обернулась к подруге.

- Зачем ты так с ней?

- Согласись, она ужасно странная! – ничуть не смутилась Люся и покрутила у виска.

Фея согласно кивнула, и девушки как по команде дружно рассмеялись. Оставшуюся часть дороги до школы они упражнялись в остроумии, кто смешнее изобразит своеобразную колдунью, чья выдуманная пословица окажется оригинальнее.

Неожиданно настроение Люси переменилось. Резко остановившись, девочка уставилась кислым взглядом вперед и досадливо закусила губу, сложив руки на груди. Танья проследила за ее взглядом, чтобы выяснить причину такой внезапной перемены.

И вот с лица феи тоже сошли все краски, уголки губ соскользнули вниз, взгляд потух.

- Ты как? – участливо спросила она Люсю, не сводя глаз с Бори и Забавы.

Ребята шли впереди и о чем-то увлеченно болтали.

- Я? – пискнула девочка и притихла, - да нормально. Поговорила вчера, - пауза, - со всеми. Но только вот все равно на душе погано. Не успокоюсь, пока не увижу, что это все не шутки Забавкины! – и тут Люся резко обернулась на одноклассницу. – Ты-то как?

Танья неопределенно повела плечами.

- Ничего.

- Ври больше! – не поверила подруга.

Фея опустила голову, признавая поражение. Люся больно схватила ее за руку и резво потащила к школе. Танья еле поспевала за подругой, собирая все камни по дороге. Промчавшись мимо брата с Забавой, Люся сама спешно буркнула приветствие, попутно отдавив Боре ногу, но фее не дала нормально поздороваться с ребятами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.